

При прозѣдѣ Аттилы мимо дома первого своего вельможи *Онигиса*, (*) жена боярина, сопровождаемая многочисленной прислугой, вышла на встрѣчу съ чарой вина, *хлѣбомъ* и *солю*, которыя поднесены были на серебряномъ блюдѣ. Этотъ обычай, говорить Прискъ, считается у Скивовъ знакомъ высокаго уваженія. Царь испилъ чашу, вкусилъ хлѣба и соли и побѣжалъ во дворецъ. Посольство же, по приказанію его, осталось въ домѣ Онигиса; сама хозяйка угощала его обѣдомъ, на которомъ присутствовало все семейство и родные вельможи. Послѣ стола посольство отправилось въ шатры, раскинутые близъ дворца.

На другой день Прискъ былъ посланъ Максимномъ къ Онигису, для врученія ему подарковъ и для освѣдомленія, *иди ли когда назначены будутъ совѣщанія*; но ворота были еще заперты. Прохаживаясь около дома, пишетъ Прискъ, вдругъ поразило меня Эллинское привѣтствіе: *χαίρε—здравствуй!* произнесенное проходившимъ мимо человекомъ, котораго, судя по одеждѣ, я почелъ за варвара. Меня удивило, что Скивскій воинъ говорить по Эллински. Составляя дружину изъ разныхъ варварскихъ языковъ, они перенимаютъ другъ у друга Гуннскій, Готскій, и, по частому сношенію съ Римлянами, Авзонскій (Италіанскій) языки. Эллинскій же языкъ слышится здѣсь только между плѣнными, взятыми во Фракіи, или съ приморья Иллирій; но ихъ тотчасъ узнаешь между Скивами, по рубищу и печальной наружности. Поклонившійся же мнѣ казался Скивомъ, живущимъ въ полномъ довольствіи и роскоши. Онъ былъ въ богатой, щегольской одеждѣ, его волосы были *острижены въ кружокъ*. Оказалось однако же, что это былъ Грекъ, взятый въ плѣнъ въ Мизіи и потомъ водворившійся между Скивами....»

На слѣдующій день, послѣ совѣщанія съ Онигисомъ, посольство отправилось во дворецъ и было представлено *царицѣ* (Сегоа),

(*) *Ианиничъ* (?).

отъ которой Аттила имѣлъ трехъ сыновей. Старшій изъ нихъ *Данчичъ* (Dengisich, Denzices) управлялъ *Козраши* и прочими *народами* населяющими земли *Скивскія* при *Черномъ морѣ*.

«Внутри двора находилось много зданій; одиѣ были изукрашены рѣзной тесовой работой, другія изящно устроены изъ гладкихъ брусевъ, связанныхъ между собой и образующихъ вѣнцы, (*) которые воздымались на соразмѣрную высоту. Тутъ жила супруга Аттилы. Встрѣченный, стоящими въ дверяхъ варварами, я вошелъ и засталъ ее возсѣдающею на мягкомъ ложѣ. Полъ былъ устланъ коврами, множество женщинъ стояло вокругъ царицы; *а двоишки сидѣли противъ нея на полу* (**) и *вышивали разноцвѣтными узорами покрывала*, которыя употребляются у нихъ какъ украшенія сверхъ одеждъ. Поклонясь царицѣ, я поднесъ дары и вышелъ.»

Древній Русскій царскій *дворъ* раздѣлялся на *дворцы*, или *малые дворы*, составлявшіе отдѣльные помѣщенія лицъ семейства царскаго, съ полнымъ составомъ принадлежащихъ имъ *дворянъ* и хозяйственныхъ заведеній. Прискъ описываетъ дворецъ царицы и вообще *дворъ* Аттилы, какъ *дубовое* великолѣпное варваровъ, не стоющее вниманія въ сравненіи съ дворцами Византіи. Но изъ его описанія видно исконное Русское зодчество Киевскихъ деревянныхъ дворцовъ, съ вышками, теремами, кровлями въ видѣ главъ и преузорочными украшениями рѣзнымъ кружевомъ. Это зодчество наследовала и Москва: дворецъ Коломенскій былъ послѣднимъ его образцомъ.

(*) Ряды бревенъ или блякъ образующихъ эшаны назывались вѣнцами; въ этомъ смыслѣ вѣрояно, по объясненію Скивовъ, употребляетъ Прискъ *отъ мѣлозъ*; деревянныя башни, шестигульныя, осмиугульныя, спланивались изъ брусевъ пазами въ главѣ.

(**) Этотъ обычай долго длился на Руси, сдѣлавъ его по сию пору не совсемъ нечеловѣкомъ.

Приска намѣревался осмотрѣть и все прочія зданія двора Аттилы; но толпа народа, копившаяся около крыльца и ожидавшая выхода царскаго, обратила на себя его вниманіе. Аттила вышелъ въ сопровожденіи Онигиса. Все, кто только имѣлъ до него просьбу приближались и получали отъ него рѣшеніе.

Возвратясь во дворецъ, Аттила принималъ прибывшихъ къ нему послы изъ разныхъ странъ.

Разговоръ Приска съ послами Рима дасть понятіе о могуществѣ Аттилы, котораго страшился весь извѣстный въ то время міръ.

«Ромулъ (посланикъ Рима), человекъ бывшій во многихъ по-
сольствахъ и приобрѣтшій большую опытность, говорить, что счастье и могущество Аттилы, до того велики, что увлекаясь ими, онъ уже не терпитъ ни малѣйшихъ противорѣчій, какъ бы онѣ справедливы ни были. Никто изъ црствовавшихъ до сего лоръ въ Скивіи, и другихъ государствахъ, продолжаетъ Ромуль, не произвелъ столько великихъ дѣлъ и въ такое короткое время, какъ Аттила. Его владычество простирается на острова находящіяся на Океанѣ, и не только народы всей Скивіи, но и Римляне данники его. Не довольствуясь и этимъ, онъ намѣренъ распространить свою державу завоеваніемъ Персіи. Мидія не далеко отъ Скивіи, Гуннамъ уже извѣстна дорога туда: уже они ходили по ней, когда у нихъ свирѣпствовала голодъ. Римляне заняты были другой войной и не могли воспрепятствовать имъ. Въ то время Васой и Красой, (¹) происходящія отъ рода царей Скивскихъ, предводительствуя многочисленнымъ войскомъ, проникли въ Мидію. Это тѣ самые, которые въ послѣдствіи прѣзжали послами въ Римъ, для заключенія союза. По рассказамъ ихъ, миновавъ

въ этотъ походъ степи, и переправясь чрезъ озеро (Меотиду), они перешли чрезъ горы (Кавказскія) и въ пятнадцать дней достигли до Мидіи. Собравшееся многочисленное войско Персовъ, принудило ихъ возвратиться въ свою страну по другой дорогѣ, (мимо Баку на Каспійскомъ морѣ).

«Такимъ образомъ, продолжалъ Ромуль, Аттилѣ не трудно покорить Мидовъ, Парсовъ и Персовъ. Военная сила его такъ велика, что никто противъ нея не устоитъ. Мы молимъ Бога, чтобъ Аттила обратилъ оружіе свое на Персовъ.»

«Но я боюсь, замѣтилъ Константионъ, что покоривъ Мидовъ, Парсовъ и Персовъ, Аттила возвратится назадъ владыкой Рима, откажется отъ достоинства стратига, которымъ почтили его Римляне, и велитъ величать себя Кесаремъ. Онъ уже сказалъ одинъ разъ въ гнѣвѣ своемъ: «полководцы вашего Кесаря рабы его; а мои полководцы такіе же цари какъ и вашъ Кесарь. Во знаменіе побѣды, Богъ далъ мнѣ (въ наслѣдіе) священный мечъ Арея.» (¹) «Этотъ мечъ уважается Скивскими царями, какъ посвященный богу войны. Въ древнія времена онъ исчезъ, но нынѣ обрѣтенъ снова туромъ.»

Обратимся теперь къ угощенію послы въ столовой избѣ Аттилы.

«Въ назначенное время, вмѣстѣ съ послами Западной Римской Имперіи, мы предстали Аттилѣ при входѣ въ столовую. Здѣсь, кравчіе, по обычаю страны, поднесли намъ кубки, чтобъ и мы, предъ трапезой, совершили молитву во здравіе. (²) Испивъ чашу, мы пошли на назначенныя мѣста къ столу. Сѣда-

(¹) Βασίλῃ καὶ Κουρούβῃ—Bazic(um) et Curis(um). Соответственные Сербскія имена Васоје, Кресоје; по произношенію же Латинскому имени Βασίλῃ или Βασίλῃ, соответствуетъ Божо, Богой, Богичъ, Божичъ, Боцца.

(²) Мечъ Арея, въ сѣверныхъ мѣстахъ мечъ Сигурда Гунвскаго, которымъ онъ поразилъ змѣя, жившаго въ скалѣ, по Русскимъ преданіямъ Змѣя Горыныча. Мы уже объяснили что Sigurd, Sjurð — тоже что Кимирскій (Сербскій) Дажурла.

(³) По древнему Русскому обычаю: выпить чашу великаго государя.»

лица были расположены у стѣнъ по обѣ стороны палаты. По срединѣ, (за особеннымъ столомъ), сидѣлъ Аттила въ креслахъ; позади его, на возвышеніи въ нѣсколько ступеней, было мѣсто царское, подѣ пологомъ изъ разноцвѣтныхъ тканей, подобно употребляющемуся надъ брачными ложами у Римлянъ и Эллиновъ.»

«Первостепенныя мѣста были за столомъ по правую сторону царя; мы же сидѣли съ лѣвой стороны. Выше насъ сидѣлъ Боричъ ⁽¹⁾, знатнѣйшій изъ Скивовъ. Онигисъ сидѣлъ на сѣдалищѣ, по правую сторону царскаго мѣста; напротивъ его два сына Аттилы. Однако же старѣйшій сидѣлъ рядомъ съ нимъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, ⁽²⁾ но на возвышеніи, склонивъ почтительный взоръ предъ отцомъ.»

Послѣ описанія заздравнаго питія, Прискъ продолжаетъ: «Отличныя яства подавались всѣмъ на серебряныхъ блюдахъ; но предъ Аттилою поставлено было мясное. Онъ былъ умеренъ во всемъ. Гостямъ подносились золотыя и серебряныя кубки, а его чаша была деревянная. Одежда его была также не нарядна и не отличалась ничѣмъ отъ прочихъ, кромѣ простоты. Ни висящій при боку мечъ, ни тесмы варварской обуви, ни конная сбруя, не были украшены золотомъ, камнями, или какими нибудь драгоценностями, какъ у всѣхъ прочихъ присутствовавшихъ Скивовъ.»

«Съ наступленіемъ вечера, когда зажжены были свѣчки, явились два гвѣнца и начали прославлять подвиги Аттилы. Всѣ гости обратили на нихъ вниманіе. Однимъ нравилось гвѣніе, другіе одушевлялись, припоминая восхваляемыя битвы; старцы же,

⁽¹⁾ Βορίχ, Βερίс—Боричъ, Борисъ, Борой.

⁽²⁾ «На томъ столѣ, за которымъ сидѣлъ государь, по обѣ его стороны было порожняго мѣста на столько, на сколько онъ могъ достать руками. Если братья его не въ отлучкѣ, то старшій изъ нихъ сидитъ по правую, а меньшій по лѣвую руку.» Герберштейнъ.

изнуренные бременемъ лѣтъ и смирившіеся уже духомъ, проливали слезы. Послѣ пѣвцовъ, выступилъ на поприще шутъ, и разными выходками произвелъ всеобщій смѣхъ.»

«Въ заключеніе появился *Харя Мурина* (*Zépcωv ὁ Μουροβίτις*) ⁽¹⁾. Странный по наружности и одеждѣ, по голосу и тѣлодвиженіямъ, онъ смѣшивалъ въ рѣчахъ своихъ Романскій, Гунскій и Готскій языки, и уморилъ всѣхъ со смѣху.»

Г. Гизо очень справедливо замѣтилъ, что этотъ *Мурина* былъ ничто иное какъ арлекинъ. Прискъ, не понявъ арлекины и принявъ жалобы Мурина, разлученнаго съ своей *голубушкой* (*Columbina*), за истинное событіе.

Во время этихъ представлений, только Аттила не обращалъ на нихъ вниманія; съ улыбкой довольства смотрѣлъ онъ на стоявшаго подлѣ него младшаго сына, называемаго *Ирно*мъ, ⁽²⁾ и ласково трепалъ его по щекѣ.»

На слѣдующій день послы отправились къ Онигису просить объ отпускѣ въ возвратный путь.

«Онигисъ держалъ совѣтъ съ прочими сановниками, и сочинялъ письма отъ имени Аттилы къ императору. При немъ были писцы, и въ числѣ ихъ Рустицій родомъ изъ верхней Мизии. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ, но по отличнымъ способностямъ употребленъ Аттилою для сочиненія писемъ.»

Между тѣмъ царица поручила дворецкому своему Аламію (*Αλαμῖς*) угостить пословъ обѣдомъ. «Мы пришли къ нему вмѣстѣ съ нѣкоторыми Скивами, удостоены были благосклоннаго и радушнаго приема и угощены вкусными яствами. Всѣ присут-

⁽¹⁾ Ζέpcωv—безъ сомнѣнія Сербс. *шара, шарац, шарак*—пестрый, стрѣй; сдѣл. *пестрый шутъ*—Арлекинъ.

⁽²⁾ *Ирно* въ другомъ мѣстѣ *Ирра*хъ. Въ Канцахъ соопн. Егр, Егр. въ Серб. *Иерко, Иеро—Яро, Яренъ, Юрій*.

172
ствовавшие на обѣдѣ, по обычаю Скинскаго пригѣтствія, привстава, подносили намъ наполненныя чаши, обнимая и цѣлуя насъ по очередно.»

На другой же день послѣ этого у Аттилы была отпуской⁽¹⁾ обѣда для пословъ. Въ этотъ разъ *подлѣ царя* за столомъ сидѣлъ не старшій сынъ его, а *Вомборъ* (Ωιβερρος, Oebarus, Oebar), дядя его по отцу.

По прошествіи трехъ дней, посольство одаренное Аттилой, отправилось обратно. Съ нимъ поѣхалъ *Боричъ*, знаменитый вельможа, обладавшій большими имѣніями въ Скиѣи, и бывавшій уже посломъ въ Константинополь.

Изложивъ вкратцѣ отрывки изъ отрывковъ Приска, поясняющихъ бытіе Киевской Руси въ V-мъ вѣкѣ, обратимъ вниманіе на Русь Испаніи и Мавританіи, или такъ называемое Вандальское царство, и заключимъ очеркомъ победы одержанной Аттилой надъ соединенными силами Римлянъ и Визиготовъ. Первымъ проницательнымъ взглядомъ на Каталаунскую битву Исторія обязана Г. Венелину.

(1) Послы обыкновенно обѣдали у царя въ столовой избѣ, два раза въ первый разъ по представленіи своихъ грамотъ, а во второй разъ на отпускѣ, послѣ чего выдавались имъ отпущенныя грамоты.

VIII.

КАТАЛАУНСКАЯ БИТВА.

Когда Римская Имперія обратилась въ двуглавую, два близнеца не могли одинаково благоденствовать; близнецъ Фракійскій былъ ближе къ сердцу матери, близнецу Италиі суждено было изчахнуть. Римское оружіе не страшно было уже Славянамъ: они прочно оградились отъ Рима и Византіи Рейномъ и Дунаемъ, и только при нарушении договоровъ вели наступательную войну. Въ это время, какъ мы видѣли, развилась на сѣверѣ Германіи, чуждая всему организму Европы, сила, переносицаяся изъ мѣста въ мѣсто какъ зараза. Эта сила была, соблазнительный для условій гражданской жизни, дензмъ.

Въ IV вѣкѣ, говоритъ Венелинъ⁽¹⁾ Готы утвердили было надъ Славянами свое владычество, и кто знаетъ куда они распространили бы свою власть, если бы имъ не воспрепятствовали Гунны.»

«Въ исходѣ вѣка, почти вся Русь была уже освобождена; Руссы преслѣдовали Готовъ до самаго Дуная, и принудили ихъ искать убѣжища въ предѣлахъ Имперіи. Дація, со времени Траяна отнятая у Руси, ей возвратилась.»⁽²⁾

«Въ Аттилѣ древняя Русь дождалась человека необыкновеннаго ума, отличнаго политика, искуснаго игрока обстоятельствами, который привелъ внутреннія ея силы въ движеніе. Римляне предвидѣли опасность, которую не было средствъ отворотить иначе какъ коварнымъ посягательствомъ на жизнь Аттилы. Для этого средства нашлись при Византійскомъ дворѣ пресмыкающіяся души; но злодѣйство не удалось.»

(1) Древн. и н.п. Булгары въ отношеніи къ Россіянамъ. М., 1829 стр. 186.

(2) Стр. 214.

Въ 450 году, Θεодосій и скончался, оставивъ послѣ себя одну дочь. Сестра его Пульхерія, принявъ кормило правленія, должна была избрать въ соправленіе себѣ мужа, и выборъ палъ на Марціана, одного изъ воеводъ, который во время войны противъ Вандаля (Руссовъ) Африканскихъ, взятъ былъ въ плѣнъ Гейзерикомъ, но освобожденъ на условіи не воевать противъ Вандаля.

Аттила, получивъ извѣстіе о перемѣнѣ происшедшей въ Византійскомъ правительствѣ, отправилъ въ Константинополь посла съ требованіемъ возобновить договоры; но въ то же самое время Аттила объявилъ и разрывъ съ Западною Имперіей, въ защиту Вандаля (*) (Руссовъ Испаніи, которыхъ Римъ, общими силами съ Готами Аквитанскими, намѣренъ былъ истребить, пользуясь походомъ Гейзерика со всеми силами въ Африку, для покоренія Мавританіи.

Марціанъ также намѣренъ былъ воспользоваться этимъ разединеніемъ силъ Русскихъ и медлить утверждать договоры Θεодосія съ Аттілою, и даже обещалъ помощь Западному императору Валентиніану III противъ Аттілы.

Разсмотримъ предварительно, на сколько возможно понять изъ смуты преданій, начало Вандальскаго (Славянскаго) царства въ Испаніи и Африкѣ.

Исполнныя племена, (исключая древней колонизаціи Иберовъ, или Гебовъ), населявшія Галлію и Испанію, принадлежать къ

(*) Тамъ были извѣстныя исторіи областей: Галлицкая, Словенская (Suevi, Silingi) и Луккикая.

Извѣстный переходъ *Соговотъ Винделикити*, или Вандалинъ Римской, между Альпами и Рейномъ, въ Галлію и потомъ въ Испанію, безъ сомнѣнія есть походъ *Винделикити*, на освобожденіе родичей въ Галлію и Испанію. Отсюда, по правительственной области *Vindelicia*, прозванъ Руссы-Славяне Испаніи Вандалами.

тѣмъ же племенамъ, которые составляли во всей Европѣ первый, коренной слой населенія. Сначала онѣ можетъ быть были подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Финнскіихъ и Эллинскіихъ промышленныхъ колонизацій по бережнѣмъ; но существенно независимость изторгнута у нихъ оружіемъ Рима. Подъ постоянной стражей легионовъ онѣ не могли благоденствовать: въ теченіи шести сотъ лѣтъ не сроднились съ Римлянами, и въ 409 году по р. х. встрѣтили Славянскую Русь (Вандаля, Алаи и Свевовъ) съ радостнымъ, родственнымъ чувствомъ.

Изъ древней Исторіи Балтійской Дачи или Даніи, заключающейся въ островѣ Зеландѣ, мы знаемъ, что Славянскія земли при р. Эльбѣ, и по берегу Балтійскаго моря, прозванныя Готами *Vandalien*, были покорены злодѣйскимъ образомъ Фродо III-мъ. По Юрнанду, этотъ покоритель Вандаловъ назывался *Геберикъ* (Berig). Но окончательнымъ покореніемъ Вандали и присоединеніемъ къ Даніи, Фродо III-й (*) обязанъ воеводѣ *Эрику*, и нѣтъ сомнѣнія, что въ преданіи дошедшемъ до Юрнанда, имена Berig и Rerik замѣнены одно другимъ. По сказанію Юрнанда, *Вандали* и *Алаи* удалились отъ насилія Геберика въ Галлію, а потомъ въ Испанію: *Тамъ*, говоритъ онъ, *припоминали они все зло, которое, по разказамъ отцовъ ихъ, причинилъ имъ Готскій король Геберикъ, изгнавъ ихъ изъ родной земли.* (**)

Оставившіе за Рейномъ родную землю свою, Вандали и Свевы вступили въ Галлію подъ предводительствомъ *Радогаста* (Radagast); по сказанію Исторіи, *Римляне, при помощи Готовъ, разбили Радогаста и взяли его въ плѣнъ.* Это было въ 406 году.

(*) По Торевю всѣ Фродо составляютъ одно и тоже лицо.

(**) «*Athuc memores ex relatione majorum suorum, quid dudum Geberich rex Gothorum genti suae praestitisset incommodi, vel quomodo eos viglate suo partito expulisset.*» Iorn. XXXI.

Но *въ 407 году Бургунды и Франки последовали за Ванда-лами, Сиссами и Аланами въ Галлію и тамъ водворились.* (1)

Хотя по однимъ свидѣніямъ, Вандагъ и Свевовъ немедленно же разбили на голову, и истребили бы совершенно, еслибъ къ нимъ не пришли на помощь *Аланы*; но за то, по другимъ свидѣніямъ, они успѣли возстановить древнюю землю родичей, извѣстныхъ подъ именемъ Венетовъ, и не прежде какъ чрезъ два или три года отправились освободять и Испанію отъ ига Римскаго. (2)

Ущелья Пиринеевъ не помогли Римлянамъ воздержать Славянскую Русь. Годечъ (3) съ своими Вандалами или Вендами, какой-то Respendial, а по другимъ Алахъ, съ Аланами, а *Промирь* (4) съ Славянами (Suevi), перебрались чрезъ горы, прошли побѣдоносно вдоль и поперекъ полуострова, и *«не только не встрѣтили съ жителями сопротивленія и врождебныхъ чувствъ къ себѣ, но напротивъ: варваровъ встрѣчали повсюду съ распростертыми объятіями, какъ избавителей отъ тяжкаго иа Римляно.»* (5)

Очистивъ Испанію отъ войскъ Римскихъ, и загнавъ ихъ въ Таррагонію, покорители раздѣлили ее на три области: на *Галицкую*, по р. *Туръ* (Durus); на *Лужицкую*—между р. *Туръ* и *Тугой* (Tagus), и, по названію Римлянъ, на *Вандагію* (Vandalicia), которой жители были *Silingi* (Словенцы), и которая составляла безъ сомнѣнія собственно Русь, *удѣльную* великокняжескую область.

(1) Etudes Hist. Chateaubriand.

(2) «Dans les Gaules les provinces Armoricaines (области Поморянскія) se forment en républiques fédératives. Les Alains, les Vandales et les Suèves entrent en Espagne (409. 28. Sept).»

(3) Gonderic, Gunderich; по Прокопію Цесарійскому, Испанію покорилъ *Гондигисла*; Gonderic же (Gontharis) и Гизерикъ сыновья Годигисла.

(4) Hermeric, Hermiar.

(5) Hist. d'Esp. par Paquis et Dochez.

«Миръ уже начиналъ приносить плоды свои, и жители казались предпочитали новую судьбу свою, постоянному и холодно-обдуманному игу Римлянъ; но новый потокъ варваровъ, выходящій съ востока, нахлынулъ на нихъ.» (1)

Эти новые варвары, выходцы съ востока, были Визиготы, вызванные Римомъ на свою голову. Императоръ Гонорій, въ 411-мъ году, уступивъ имъ во владѣніе Аквитанію; общагъ *пожелать* даже и Испанію, если только они умно помогутъ ему выжить оттуда Вандагъ.

Зриво обдуманная цѣль Гонорія состояла въ томъ, чтобъ враждебные между собой варвары, Славяне и Готы, загрызли другъ друга на смерть; заботу же похоронить ихъ и торжественно отпраздновать побѣду надъ врагами Рима, отъ браться на себя.

Это предначертаніе вполнѣ бы удалось, если бы новые владѣтели Аквитаніи рѣшились на дѣло безъ глубокой обдуманности и не употребили, прежде оружія, орудія болѣе тонкія, острыя, и болѣе вѣрныя. Прошло года четыре; Валлій, конунгъ Готовъ, все еще былъ въ затрудненіи, съ кѣмъ выгоднѣе держать дружбу: съ Римлянами, или съ Вандалами. Не зная, которая сторона была лучше, онъ рѣшился съ народомъ своимъ бѣжать отъ той и другой въ Африку и основать тамъ новую Готію. Это было уже предположеніемъ Аларика. Посадивъ всѣхъ Визиготовъ на корабли, Валлій пустился по океану; но, къ несчастію, буря прибила его корабли обратно къ берегамъ Аквитаніи. По волѣ Одена надо было оставаться въ Европѣ и снова обдумывать, съ кѣмъ вести дружбу, съ Римлянами или съ Вандалами.

Прошли два года—последовало рѣшеніе. Валлій произнесъ къ своему войску слѣдующую рѣчь: «Непобѣдимые Готы, куда бы ни пожелали вы направить свои стопы, отъ далекаго сѣвера до

(1) Hist. d'Esp.

краниг юга, повсюду вы пробивали себе дорогу оружіем; ничто не останавливало вашего торжественнаго шествія: ни пространство, ни каньаты, ни горы, ни рѣки, ни *дикіе звери*, ни даже многочисленныя и храбрыя народы. Но вотъ въ какомъ положеніи мы теперь: Вандалы, Аланы и Свевы, осмѣливаются нападать на насъ съ тылу, тогда какъ Римляне угрожаютъ намъ съ переди. Отъ васъ, храбрыя воины, зависитъ теперь рѣшить, на кого изъ нихъ подымать оружіе. Въ побѣдѣ вашей я увѣренъ; но стоитъ ли терять время на сраженіе съ трусами Римлянами: не лучше ли избрать врага достойнаго васъ?»

Послѣ этой рѣчи можно было ожидать, что Валлій пошлетъ пословъ въ страны Вандальскія, глаголя «*хочу на вы ити*»; но напротивъ, прошелъ годъ и даже два въ употребленіи вместо оружія, болѣе надежныхъ средствъ. Эти средства, вѣроятно, удались: потому что между Славянскими владѣтелями Испаніи завязались несогласія, и какъ говоритъ Исторія Испаніи: «Валлій прежде чѣмъ вести явную войну противъ Германовъ, поселившихся въ Испаніи, употребилъ хитрость: тайно схватилъ одного изъ князей Вандальскихъ, по имени Fredibal (?) (*) и послалъ его къ императору Гонорію, какъ плѣннаго взятаго съ бою на полѣ побѣды. Римъ восплаескалъ. Рѣшено было Гонорію почтить триумфомъ. Подобно побѣдоносцу во времена славы Рима, онъ вступилъ въ него при торжественныхъ возгласеніяхъ побѣдъ надъ Севрами, надъ Силингами, надъ Аланами и Вандалами. Имя полководца Валлія также озарилось славой героя.

Между тѣмъ Визиготы «*утомлясь бытъ Римскимъ орудіемъ для покоренія и истребленія Германскихъ племенъ въ Испаніи*» замѣнили мечъ плугомъ, и занялись мудрыми постановленіями и заботами о воздѣльваніи данной имъ земли.

(*) Прединой, Президаль?

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, Испанія, обладаемая Вандалами, была спокойна. Въ рукахъ Рима оставалась только Таррагонская область; границей были горы по правому берегу р. Эбро. Но, отказаться отъ надежды изгнать варваровъ изъ Испаніи было постыдно, и Римляне выжидали удобнаго времени.

По смерти Валлія, въ конунги Визиготовъ избранъ былъ Теодорикъ, (*) который славился мужествомъ и силой.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Римляне и Греки часто давали имена предводителямъ варваровъ на обумъ, преобразовывая ихъ по своему, смѣшивая царей съ полководцами, и относя событія и къ живымъ и къ мертвымъ. По сказанію Проконія Кесарійскаго Испанію покорилъ не Годорикъ, (**) а Годигисль. (**). Годорикъ и Гейзерикъ были его сыновья. Годорикъ могъ и при отцѣ начальствовать войскомъ. Но, по Проконію, впавшій при дворѣ въ немилость Воинфатій, Римскій правитель Африканскихъ областей (**), приглашаетъ Годорика и Гейзерика завоевать Мауританію. Нѣтъ сомнѣнія, что это призваніе было ничто иное, какъ клевета завистника и врага его Эція. Изъ всего же этого слѣдуетъ, что покореніе Африки началъ Годорикъ.

(*) Theodoricus, Theodores, Theodoredus.

(**) У Славянъ старшіе сыновья носили по преимуществу родовыя имена. Такъ на примѣръ, происходящіе отъ родоначальника Голо, прозвались Головичи. Въ Готскомъ языкѣ придавался обыкновенно въ концѣ собственныхъ именъ буква г: Голо—Gothar; отсюда измѣненіе вмѣсто Головичъ—Годоричъ; со вставкой же буквы н—Gontharius, Gondoric.

(*) Окончанія *giscl, gisl, gaise*; должно полагать замѣняютъ Слав. *гость*.

(*) Отсюда у историковъ является договоръ между Воинфатіемъ, Голорикомъ и Гейзерикомъ раздѣлить между собою Африканскія владѣнія на три части.

Во время этого-то отсутствия главных Славянских сил, Римляне заключили условие с Теодориком Визиготским, чтобы онъ напасть на северныя области Испаніи, между тѣмъ какъ Comes Asturius, Maurocellus и Castinus, будутъ дѣйствовать на югъ. Отрѣзанная область Славянъ, Галиція, должна была покориться и признать себя данницею Рима. Silingi дрались на смерть. Алане держались, покуда Годорикъ, возвратясь изъ Африки, не разгромилъ силъ Римскихъ. Въ Испаніи (*) однако же, Годорикъ «*daemonē correptus interiit*». Его подвигъ докончилъ Гейзерикъ: загналъ Римлянъ за горы, въ Таррагонію, изгналъ Визиготовъ изъ Галиціи, и въ слѣдъ за этимъ, отправился съ 80,000 войска въ Мавританію, разбилъ Воионатія, и основалъ тамъ могущественное государство.

Юрнандъ описываетъ Гейзерика (**) слѣдующимъ образомъ: «онъ былъ средняго роста и хромалъ отъ паденія съ лошади. Глубокій въ своихъ предначертаніяхъ, говорилъ мало, ненавидѣлъ роскошь, грозный въ гнѣвѣ, страстный къ приобрѣтенію, прозорливѣйшій въ сношеніяхъ съ народами, онъ предусмотрительно умѣлъ бросать гдѣ нужно сѣмена раздора и тушить ненависть. Таковымъ онъ вступилъ по просьбѣ Воионатія въ Африку, гдѣ, какъ говорятъ, принявъ по изволенію божескому власть, долго царствовалъ и предъ смертію собралъ вокругъ себя своихъ сыновей и положилъ совѣтъ между ними: жить въ мирѣ и любви, наследовать царство по ряду и череду старѣйшему.» (**)

(*) Hispania—Севиля.

(**) По Виз. Ист. *diveritos* и *divititil*.

(*) Подобное завѣщаніе сынамъ было въ обычай у Русскихъ князей: «Ярславъ нареди своимъ своимъ рѣкъ имъ: «Се азъ отхожу съѣта сего, сынове мои; имайте въ себѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матери; да аще будете въ любви межю собою, Богъ будетъ въ васъ, и

Истоценный Римъ продолжалъ пытать время отъ времени, нельзя ли вырвать Испанію изъ рукъ Славянъ; но всѣ попытки были тщетны, тѣмъ болѣе, что надо было защищать Галлію отъ притязаній Теодорика Визиготскаго, который имѣя шесть сыновей и двѣ дочери считалъ необходимымъ, при такомъ огромномъ семействѣ, распространить свои владѣнія, если не вправо, такъ влево.

Оружіе не брало ни въ ту ни въ другую сторону; а между тѣмъ на рукахъ двѣ дочери невѣсты; надо было подумать о выгодныхъ союзахъ. Въ драхломъ Римѣ нечего было и искать достойныхъ жениховъ; и потому Теодорикъ обратилъ вниманіе на Испанію, гдѣ было столько Русскихъ князей и царевичей. Какими путями совершилось сватовство, неизвѣстно; но одна дочь Теодорика вышла замужъ за князя Галиціи, а другая за Оиориха (Унериха, Гунерика), т. е. Яна, сына Гейзерика—великаго князя, господаря или жупана Испанской и Африканской Руси. Въ подробности семейныхъ отношеній Гейзерика Исторія не входила; извѣстно только, что прекрасная невѣстка имѣла намѣреніе его отравить, и что онъ, по Русскому обычаю, наложилъ печать преступленія на лицѣ ея,—вырвалъ поздри, окорзалъ уши, и отправилъ къ отцу. (**)

Оскорбленный Теодорикъ рѣшился мстить. Первымъ его дѣломъ было изъявить преданность свою императору Валентиніану

покорить противныя подъ . вы, и будете мирно живуще. Аще будете, ненавистно живуще, въ прахъ которагощесь, то погинете сами и погубите землю отенъ своихъ и дѣлъ своихъ, пже наделоша трудомъ своимъ великимъ; но пребывайте мирно, брать брата послушающе. Се же поручаю въ себѣ мѣсто столъ сыну своему и брату вашему Павлаву Кіевъ; сего послушайте, яко послушаете мене, да и той вы будете въ мене мѣсто.»

(*) «Naribus abscissis, truncalisque auribus, patri suo ad Gallias remiserat.» Jorn.

и снискать дружбу Римскаго полководца Эция (Aetius), который два раза наказал его за покушенія распространить свои владѣнія на счетъ Римлянъ, пользуясь смутами Имперіи послѣ смерти Гонорія.

Должно упомянуть, что въ то же самое время Хладой, (1) воевода Франковъ, жившихъ по Неккеру между Рейномъ и Дунайемъ, внезапно умеръ. Эцій успѣлъ посылать раздоръ между его сыновьями и вопреки правъ Хладовой (2) на наследство, споспосововалъ войти на престолъ младшему брату Мирового, приверженцу Римлянъ, тѣмъ болѣе, что Хладовой держался родственной Русской стороны.

Этотъ вѣрный союзъ съ воеводой Франковъ, давалъ Риму новыя надежныя силы, и Θεодорику легко было склонить Валентиана на новый опытъ исхитить Испанію изъ рукъ Гейзерика. Къ заключенному союзу присоединился дворъ Византійскій и смѣло отказалъ Атилѣ возобновлять договоры на постыдныхъ условіяхъ Θεодосія II-го.

Гейзерикъ, предвидя трудную борьбу, утѣдомилъ Атиллу о поднимающейся грозѣ на западную Русь. Атила махнулъ рукою на отказъ Византіи, и пошелъ на встрѣчу грозѣ съ своей восточной Русью; но предварительно написалъ къ императору Валентиану, чтобъ онъ не мѣшался въ расправу его съ Визиготами, какъ бѣглецами изъ подданства Руссовъ; а къ Θεодорику, чтобъ онъ не надбился на союзъ съ Римлянами, противъ Славянъ Испаніи и Африки. Θεодорикъ задумался и готовъ былъ, какъ увидимъ ниже, положить мечъ въ ножны, вопреки Юрнанду, который далъ иной толкъ посольствамъ Атиллы.

Сидоній, епископъ Арвернскій въ Галліи, современникъ Атиллы, пишетъ, что за нимъ послѣдовали Rugii, то есть Русь, Geloni—Волыи, Geruli—Лужичи, и Turingi—Туричи. У Рейна

(1) Chlodio, Chlogio, Cloio. Слав. Хладо.

(2) Chodebaud; онъ друженъ былъ искать убійца при дворѣ Атиллы.

присоединились Франки и Бургунды (1), сосѣди Аллемановъ, жившихъ по озеру Леману, (2) въ Савони, гдѣ собирались въ свою очередь Римскія войска.

7-го Апрѣля, 451 года, войска Атиллы, въ числѣ 500,000, переправились нѣсколькими путями чрезъ Рейнъ, и всѣ пограничныя крѣпости Римлянъ мгновенно были взяты. (3) Сопротивленія Мироваго (Merovee, Merowig) были тщетны; въ Тревѣ, взяты въ плѣнъ его жена и сынъ; но Атила отпустилъ ихъ. Направленіе всѣхъ силъ его безъ сомнѣнія было на Аквитанію, на соединеніе съ шедшими изъ Испаніи войсками Гейзерика, который не могъ же въ общемъ дѣлѣ съ Атиллой оставаться въ бездѣйствіи, хотя Исторія объ немъ и молчитъ.

«Θеодорикъ, повелитель Готовъ,» говоритъ Г. Венелинъ, «струсилъ, и въ то самое время, когда ему надлежало двинуться впередъ, для пріостановленія дальнѣйшихъ движеній непріятеля и поддержанія ослабѣвшаго Мироваго, отправилъ нарочнаго въ главную квартиру Атиллы, съ просьбою о перемиріи. Атила согласился.» Между тѣмъ Эцій, дѣйствовавшій рѣшительно, далъ уже повелѣніе Римскимъ войскамъ шедшимъ изъ Савонн, Пьемонта и Милана, ускорить ходъ въ южную Галлію и соединиться въ оной съ Готами;—а Готовъ нѣтъ. Эта медленность

(1) Водворившеся въ 373 году, на пространствѣ Бургундіи Венды (вѣр. Бардовскіе же, Bardungi) съ бережннхъ Балтійскаго моря.

(2) По Сервію, писавшему въ V. вѣкѣ, Аллемані жили при оз. Леманѣ.

(3) V. indonissa, бывшая вѣроятно тамъ гдѣ нынѣ Kaiserstul; Augusta (сав. обиліи) Raugacorum (Basel); Colon. Argentoraria (Сребреница или Сребрна; но Чешски Сребрно; преобраз. въ Strateburgum, потомъ въ Strassburg. По преданію, латинское названіе Argentoraria замѣнено Атиллой; слѣдовательно Славянскимъ Среберна бѣла, Сребрно или Сребреница, какъ Злата бѣла, Златико, Златилица); Vormela (Vormiza, Worms); Mogontiacum (Mainz) и Col. Agrippina (Köln).

поразила Эция. Посылаютъ къ Теодорикъ узнать причину этой медленности, торопятъ его. Теодорикъ представляетъ законную причину, что онъ вступалъ въ союзъ съ Римлянами противъ Гейзерика, а въ дѣла ихъ съ Атиллой влѣзать не имѣренъ. Посылаютъ къ Теодорикъ снова убѣждать, доказывать необходимость взаимнаго возстанія противъ общаго врага. Теодорикъ стоитъ твердо, неуклончиво отъ здраво-обдуманнаго своего рѣшенія. (*) Наконецъ Эцію приходитъ счастливая мысль отправить къ нему сенатора Мечилія, хитраго, искуснаго и счастливаго политика, который пользовался пріязнью и величайшей довѣренностью Теодорика. Онъ жилъ уже на покой въ роскошной своей виллѣ Avaticum, въ горахъ Арверни (monts Cantal), устроивъ на берегу одного озера великолѣпную теплицу. (**) «Готы,» говорилъ ему Эцій, «смотри на все твоими глазами, слышать твоими ушами; въ 439 году, ты указалъ имъ миръ, теперь укажи войну.»

Мечилій, опасаясь и за свою роскошную виллу, которая лежала на пути Атиллы, тѣмъ охотнѣе принялъ порученіе, и успѣлъ. Теодорикъ не могъ устоять противъ мудрыхъ представленій своего друга.

Гдѣ поля Маугіасіи, или Catalaunici, на которыхъ Атила сосредоточилъ свои силы, навѣрно неизвѣстно. Но до этого сосредоточенія силъ случилось еще слѣдующее происшествіе. По объявленію латинскихъ легендъ, Атила былъ необыкновенно какъ простъ въ военномъ дѣлѣ. Обложивъ Орлеанъ, называвшійся въ то время Cenabum, 500-ми тысячъ, съ Апрѣля мѣсяца до по-

(*) *Aucune raison, aucune remontrance, aucune prière ne purent fléchir l'esprit obstiné d'Attila.* говорить и Тьерри.

(**) «*Balnearium ab Africo radicibus nemorosae rupis adhaerens.*» Sid. Apoll. Epist. Thierry. Attila. T. I.

ловины Юня, онъ былъ въ стѣну бараномъ, покуда осажденные не увидѣли съ дозорной башни, взвивавшуюся по дорогѣ пыль, блескъ Римскихъ орловъ, и развѣвающіяся знамена Готовъ, которые, по Григорію Туровскому, *ad civitatem accurrunt*. Это внезапное появленіе, само собою разумѣется, должно было поразить и Атиллу и всѣ 500 тысячъ его войска. Началась битва подлѣ моста и въ городѣ. *Гонимые изъ улицы въ улицу и поражаемые камнями изъ оконъ домовъ,* Гунны не знали что дѣлать—*ne savaint que devenir;* но Атила однакоже нашелся: затрубилъ къ отступленію, и «таковъ былъ, говорить Тьерри, день 14-го Юня, спасшій просвѣщеніе Запада отъ конечнаго рушенія.»

Послѣ этого счастливаго дня, когда Римляне и Готы, общими силами, спасли и просвѣщеніе и Орлеанъ, отъ какого нибудь передоваго отряда, Атилѣ никто не мѣшалъ сосредоточивать свои силы, или при Méri-sur-Seine, которое Тьерри, слѣдуя мнѣнію Valois, утвердительно называетъ Маугіасумъ; или при Шалонѣ (Châlons), который столь же утвердительно всѣ называютъ Каталаунумъ; или между тѣмъ и другимъ, при Фер-Шампенуа; или при какомъ нибудь изъ многихъ Chatillons; или наконецъ, какъ полагаютъ нѣкоторые, при Маугіасъ, въ области Арвернской у подошвы горъ Cantal, близъ виллы и теплицы Мечилія.

Исторія не знаетъ положительно, гдѣ и какъ было дѣло, и кто его выигралъ; но за то подробно знаетъ, что происходило не только въ шатрѣ, но и въ душѣ Атиллы.

Во первыхъ, онъ провелъ всю ночь въ страшномъ, невыразимомъ безпокойствѣ и волненіи духа; (*) во вторыхъ, гадалъ у какого-то пустытника, и неудовольствуясь его предсказаніями, гдѣ то добылъ шамана, заставилъ его вызывать съ того свѣта ду-

(*) «*Attila passa toute cette nuit dans une agitation inexprimable.*» Thierry.

ши покойниковъ, и, сидя въ глубинѣ своего шатра, слѣдилъ глазами за его безумнымъ круженьемъ и вслушивался въ его князигтвонія. (1)

Неудометворившись и вызовомъ тѣней, историческій Атила началъ разлагать внутренности животныхъ и разсматривать кости барановъ. Кости предвѣщали ему не победу а отступление. Наконецъ обратился къ своимъ придворнымъ жрецамъ. Жрецы порадовали его нѣсколько, объявивъ, что по всемъ знаменіямъ, хотя побѣда будетъ не на сторонѣ Гунновъ, но за то непріятельскій вождь погибнетъ въ битвѣ.

Словомъ, Атила исполнилъ все въ угоду своему историку, чтобъ походить на Монгола, хотя наружность его описанная Юрландомъ по сказкамъ—средній станъ, грудь широкая, голова большая, глаза малы, борода рѣдка, сѣдые волосы жестки, носъ вздернутъ, лицо смугло,—столь же походила на Монгольскую, сколько по описанію Льва Діакона дикая, мрачная наружность Свато-слава, который также былъ средняго росту, плечистъ, курносъ, глаза голубые, слѣдовательно небольшіе, борода бритая, и длинныя висящіе усы, которые можно было принять за бороду Конфуція.

По предсказаніямъ, Атилѣ не слѣдовало бы вступать въ сраженіе для вѣрной потери сраженія; но вѣроятно ему хотѣлось по крайней мѣрѣ убить Эція, котораго онъ ненавидѣлъ. И вотъ, послѣ томительной ночи, на утро, Атила *исполни дружинну свою, и вѣста съ Клыками впереди*, именно для того, замѣчаетъ Юрландъ, что *въ срединѣ безопасности*.

Въ числѣ многочисленныхъ полковъ подвластныхъ ему наро-

довъ, составлявшихъ крылья рати, по сказаніямъ же Острогота Юрланда, особенно были замѣчательны *Остроготы* Велемира, Тодомира и Видимира, и *безчисленные* дружины Гепидовъ (1) подъ начальствомъ Ардарика.

«Изъ всѣхъ подвластныхъ князей (reges), пишетъ безпристрастный по собственному его увѣренію Юрландъ, (2) Атила предпочиталъ Велемира и Ардарика. Велемира за *неповрежденную преданность*, (3) а Ардарика за вѣрность и умъ. Слѣдуя за Атилой противъ Визиготовъ, своихъ сродниковъ, они оправдали его добротность.»

«Толпа иныхъ князей (turba regum) и воеводъ различныхъ народовъ, слѣдили подобно спутникамъ свѣтила, за малѣйшими его движеніями, и, по знаку поданному взглядомъ, приближались къ нему со страхомъ и трепетомъ; получивъ же приказаніе, торопились исполнять его.»

Этихъ словъ Юрланда достаточно, чтобъ понять, что въ войскѣ Атилы соблюдалось *благоочиніе*, безъ сомнѣнія болѣе надежное, нежели Римская disciplina, водворяемая и поддерживаемая посредствомъ fasces, или связокъ розогъ, которые fascigeri несли за войскомъ.

(1) Подъ именемъ Гепидовъ, мы полагаемъ должно понимать Господу, или Господарства и Жунастага, образовавшіяся въ Дацию, по изгнаніи Готовъ.

(2) «Да не подумаютъ что я, Готъ по происхожденію, приближалъ что ии-будь въ пользу Готовъ, къ тому, что навлекъ изъ книгъ, или изустныхъ разказовъ.» Гл. LX.

(3) Которую онъ и доказать, отложившись отъ словесей Атилы. Юрландъ гл. LII.

Построение войск Эция было следующее. Самъ онъ начальствовалъ надъ лѣвымъ флангомъ, состоявшимъ изъ Римскимъ легионамъ. На правомъ флангѣ стоялъ Теодорикъ съ Визиготами. Бургунды же, Франки, Венды Поморья (Armorica) и Аланы Гальскіе, помѣщены были подъ начальствомъ Сангибана ⁽¹⁾ въ центрѣ, и именно съ тою цѣлю, чтобъ *вѣрные* фланги сторожили надъ *невернымъ* центромъ; потому что Санко, Банъ Аланскій, и все полки его были въ сильномъ подозрѣніи, тѣмъ болѣе, что сѣверозападная область Поморья (Armorica) и Луги Галліи (Lugdunensis prim. sec. et tert.) населенные покоренными Цесаремъ Вендами или Славяноруссами, съ трудомъ были усмирены въ 445 году Эциемъ, при общемъ движеніи Славянъ къ освобожденію себя изъ подъ ига Римскаго.

О побѣдоносныхъ дѣйствіяхъ сколоченнаго такимъ образомъ автомата, носившаго названіе Римско-Визиготской арміи, слѣдовало бы безпристрастнымъ историкамъ повсей справедливости умолчать; даже потому, что «все свѣдѣніе о битвѣ съ Атилой передавалось потомству людьми мирными, de profession civile ou ecclésiastique, далекими отъ знанія военнаго искусства» ⁽²⁾; а главный истокъ этихъ свѣдѣній былъ Кассіодоръ ⁽³⁾, слышавшій ихъ изъ *уста самихъ Готовъ*, участвовавшихъ въ Каталаунской битвѣ.

Не ругаемся за достовѣрность длинной рѣчи, которую Атила

⁽¹⁾ «Сангибанъ, воевода Аланъ, подозрѣваемый въ готовности къ изменѣ, былъ помѣщенъ въ центрѣ, чтобъ имѣть возможность надрать за всѣми его движеніями, и наказанъ въ случаѣ измены.» Et plaça dans le centre les Burgondes, les Francs, les Armoriques et les Alains de Sangiban, que les troupes fidèles avaient pour mission de surveiller. Thierry. Имя Сангибанъ, безъ сомнѣнія значитъ Санко, Банъ Аланскій.

⁽²⁾ Gibbon.

⁽³⁾ Кассіодоръ, служилъ въ началѣ 6 стол. при Теодорикѣ Готскомъ. Свѣдѣнія его о Готахъ сохранялись только въ Юрнандѣ.

произнесъ къ войску передъ вступленіемъ въ битву, и которой краткій смѣсль состоитъ въ томъ, что Римляне трусы и что главную ихъ силу составляютъ Визиготы; но замѣчательно то, что Атила, послѣ рѣчи, по Русскому обычаю, *первый бросилъ копье въ неприятелю*; и на этотъ знакъ, безъ сомнѣнія, дружина также отозвалась, какъ Святославу: «*князь уже почалъ, потянемъ дружино по князю!*»

И эта дружина бросилась впередъ, пробилъ центръ неприятельской арміи, отрезала Визиготовъ отъ Римлянъ, и нашла на нихъ. «Теодорикъ носился передъ рядами своихъ войскъ, возбуждая ихъ мужество; но конь его споткнулся, и по однимъ разсказамъ Готовъ, онъ упалъ и *былъ раздавленъ своими на смерть*; а по другимъ разсказамъ, *Остроготъ Андаксъ пронзилъ его стрѣлою.*»

«Смертью Теодорика, говоритъ Юрнандъ, совершилось первое предсказаніе жрецовъ Гунскихъ»; для исполненія же втораго предсказанія, что побѣда будетъ не на сторонѣ Атилы, историкъ Готовъ, кажется, самъ принимаетъ начальство надъ Визиготами и ведетъ ихъ къ слѣдующей побѣдѣ:

«Тогда, говоритъ онъ, Визиготы, *отдѣлясь отъ Аланъ*, ⁽¹⁾ ринулись на толпы Гунновъ, и безъ сомнѣнія Атила погибъ бы подъ ихъ ударами, еслибъ, руководимый благоразуміемъ, не бѣжалъ съ поля въ свой станъ, защищенный возами. Фирисмундъ, сынъ Теодорика, предполагая что *возвращается* къ своимъ, обманутой темнотой ночи, наткнулся на обозъ неприятельскій; храбро защищаясь, онъ былъ раненъ въ голову и сбить съ коня; но бывшіе при немъ воины успѣли спасти его. Эцій, *въ свою очередь, блуждая посреди темноты и неприятелей*, послѣ долгихъ поисковъ добрался наконецъ до стана своихъ союзниковъ

⁽¹⁾ Вероятно для того, чтобъ ни съ кѣмъ не дѣлился лагеремъ; потому что Римлянъ, какъ будто не существовало въ бою.

Визиготы и *простоять все остальное с днём ночи на сторожке в оградѣ щитовъ.»*

Такова победа надъ Аттилой. Аттила, съ наступленіемъ ночи, становится преспокойно на костяхъ неприятельскихъ войскъ станомъ; предводитель Визиготовъ, *возвращаясь безъ всякаго сомнѣнія изъ окрестностей сраженія, ищетъ бѣдные остатки своихъ;* Эцій, военачальникъ Римскихъ войскъ, тщетно блуждаетъ въ поискѣ остатковъ Римлянъ. Казалось бы погибла слава союзныхъ войскъ въ Каталаунской битвѣ, и слѣдовало ее схоронить,—ничего: съ помощію Юрнанда, западные историки изваляли трупъ ея на триумфальную колесницу, и, въ торжественномъ шествіи четырнадцати вѣковъ, провозгласили побѣду надъ Аттилой и спасеніе просвѣщенія отъ варваровъ.

Но докончимъ реляцію Юрнанда.

«На другой день, видя, что все поле покрыто убитыми, а неприятель стоитъ спокойно станомъ и ничего не предпринимаетъ, Эцій и его союзники, *не сомнѣвались болѣе, что побѣда осталась за ними.* Однакоже Аттила и *послѣ своего пораженія, сохраняя наружное достоинство побѣдителя, и звукомъ трубъ и стукомъ оружія грозилъ новымъ боемъ.»*

Послѣ краснорѣчиваго сравненія Аттилы съ грознымъ рыкающимъ львомъ, наводящимъ ужасъ на окружившихъ его охотниковъ, союзники составили совѣтъ, чтобъ рѣшить что дѣлать съ *поблжденнымъ Аттилой,* и рѣшили держать его въ осадѣ.

Эта осада началась съ того, что Фурисмондъ, слѣдуя совѣту опытнаго Римскаго полководца, немедленно же отправился *со своимъ* въ Аквитанію; Римскій же полководецъ отправился неизвестно куда; а поблжденный Аттила, рѣшивъ дѣла въ Галліи, обезпечивъ Гейзерика въ отношеніи Визиготовъ, которые въ залогъ по-

корности выдѣли ему Валтарія, (*) юнаго сына Эмерика, племянника короля Фурисмонда, пошелъ кончать дѣла съ Римомъ въ гѣдрахъ Италіи.

Императоръ Валентиніанъ обратился съ требованіемъ помощи къ Византіи. Въ слѣдствіе чего войскамъ расположеннымъ въ Иллирии, Македоніи и Фессаліи, повелѣно было идти на соединеніе съ Римлянами. Но Аттила предупредилъ это соединеніе движеніемъ рати Дунайской, а самъ явился передъ Миланомъ (Mediolanum), взявъ его приступомъ и расположился станомъ при р. *Миліо,* въ преддверіи Италіи. Здѣсь, съ повинной головой, явилось къ нему посольство Валентиніана, и самъ Папа Леонъ преклонился предъ Аттилой о пощадѣ Рима.

(*) По народнымъ сказаніямъ, въ похода въ Галлію, онъ привезъ съ собою Визиготскаго заложника *Валтарія* Аквитанскаго, племянника Фурисмонда, наслѣдовавшаго Феодоріку; а отъ Франковъ Галліи (Бургундовъ) *Хазена,* князя Троицкаго или Троицкаго (Tresae, Troyes, Troiege).

IX.

ПРЕДАНИЯ О ЖЕНИДЬЕ АТТИЛЫ, О СМЕРТИ И ОБРЯДЪ
ПОГРЕБЕНІЯ.

Если Атилла был *flagellum Dei*, то вмѣстѣ съ этимъ должно признать, что подвигами его руководило Провидѣніе, охранявшее развитие христіанства отъ *напало демѣла* Готовъ, ⁽¹⁾ притаившихся разбѣянно на островахъ Балтійскаго и Сѣвернаго морей, и *тайнаго демѣла* Арианъ-Готовъ Панноніи и Аквитаніи. Ему предоставлено было рушить ихъ вещественную силу, которая въ лицѣ Эрманарика подавила уже собой весь сѣверъ и нѣдра Европы, и въ лицѣ Аларика проникла въ Италію. Пусть рѣшатъ, что было бы безъ низпосланнаго Атиллѣ меча Арея, который у царей Скиѣскихъ почитался священнымъ ⁽²⁾ ?

(1) Что коренные Готы: *Gothi, Juthi (Asathiod, Asa Folk—Божій народъ)*, были деисты, это кажется не требуетъ доказательства. Вся такъ называемая сѣверная мѣлологія не имѣетъ смысла въ отношеніи Готовъ; ибо относится къ коренному народу, въ нѣдрахъ котораго поселились Готы.

(2) «*Арейскій мечъ*» *Εἰρος*»

Могущество Атиллы было необъятно. Со дня Каталаунской битвы, вся Европа была въ его рукахъ. Его Русь ограничивалась: Сѣвернымъ океаномъ, Волгой, Каспійскимъ моремъ, Кавказомъ, Чернымъ моремъ, Гимаемъ или Балканами, Адриатическимъ моремъ, Альпами и Рейномъ. Вся Галлія была подъ его зависимостію, Испанія подъ его покровомъ, Римская Имперія—Восточная и Западная — платила ему дань.

Но Атилла не посягаетъ ни на вѣру, ни на совѣсть подданныхъ.

Послѣ Каталаунской битвы и покорности Рима, Исторія молчитъ уже отъ Атиллы; следовательно дарованный имъ миръ былъ проченъ и договоры свято исполнялись до 468 года, когда сыновья Атиллы прислали пословъ къ Императору Леону, для возобновленія договоровъ. ⁽¹⁾

По расчетамъ же хронологіи, основаннымъ на сообщенномъ Юрнандомъ свидѣніи Императора Марціана, Атилла умеръ въ 454 году, отъ допнувшей жилы, именно въ ту самую ночь, когда Марціану снилось, будто допнула жила (тетива) у лука Атиллы.

Единственнымъ историческимъ источникомъ всѣхъ свидѣній объ Атиллѣ, отъ начала до конца его царствованія, были записки Приска; но эти свидѣнія дошли до насъ въ жалкихъ отрывкахъ или выпискахъ, внесенныхъ Юрнандомъ въ свою исторію Готовъ. Юрнандъ же, часто, только скрѣплялъ свои собственные свидѣнія именами извѣстныхъ историковъ.

По Юрнанду, *ut Priscus historicus refert*, Атилла, подъ ко-

(1) Еще при жизни Атиллы Даячка владѣлъ удѣломъ Козарскимъ. Арей (Алашъ; по Юрн. *Ernas, Eltas—Іерно*, тѣло любимыи сына Атиллы, вѣроятно получилъ въ удѣлѣ Русь, по правую сторону Днѣпра.

нецъ своихъ дней, вздумалъ жениться на прекрасной Идико, (*) «имѣя уже множество женъ, по обычаю своего народа.»

Но слѣдуетъ замѣтить, что слова Приска: *πλείστας μὲν ἔχων ὑμετέρας, ἀφύμενος δὲ καὶ ταύτην κατὰ νόμον τὸν Σκιδιόθεν»,* относятся къ описанію свадьбы Аттилы на дочери Эско (θυγατήρ Ἐσκάμ), во время шестива посольства въ 447 году; а не до Идико, которую Иорнандъ почерпнулъ изъ рассказовъ Визиготскихъ, о заложницѣ Илдегондѣ, (**) сохраняя Славянскую форму ея имени.

Изъ вариантовъ тѣхъ же сказокъ, Иорнандъ почерпнулъ и свѣдѣніе о смерти Аттилы, будто онъ, развеселясь на свадьбѣ своей, такъ упился, что, во время ночи, кровь хлынула изъ горла и задушила его.

Мы уже упомянули, что по переводамъ древнихъ Гренландскихъ и Исландскихъ квидъ, съ непонятнаго языка на понятный, Аттилу убила Гудруна, на которой онъ женился по смерти первой жены (Нерка). Но Фбрейская (Faergoeske) форма имени Gugin, болѣе близкая къ Славянской (Гурина, Иерина, Юрица, Иерка), обличаетъ, что первая жена Аттилы Нерка, Nerche, Nerische, носитъ одно имя со второй; а Нерка признается также за измѣненіе Нелка; слѣдовательно, всѣ подобныя различія произношенія одного и того же имени, даютъ полное право исто-

(*) По некоторымъ сказаніямъ, эта Идико (Idico, Idico, безъ сомнѣнія Иско) была дочь царя Бактрианскаго. Известно, что область Бактра была долгое время во власти Скифовъ и Гунновъ.

(**) Въ народныхъ преданіяхъ (Vilkins Saga) Валгарій и Илдегонда составляють особенный разсказъ, изъ котораго образовалась Латинская поэма *Waltharius Aquitanus*. Илдегонда дочь князя Или Греккато (Grekialand); слѣдовательно имя ея Илѣца, т. е. дочь Или.

рикамъ считать Аттилу за многоженца; хотя, по народному сказанію, онъ женится на второй женѣ послѣ смерти первой. (†)

Въ старинной поэмѣ о Нивелунгахъ, которой содержаніе почерпнуто изъ сборника Русскихъ народныхъ сказаній (Vilkins Saga) имя Гудруны, (‡) въ томъ же событіи о гибели Нивелунговъ, замѣняетъ Гримильда; (§) и это послѣднее имя, должно полагать, болѣе достоверно.

Мы уже упоминали, что древнія Русскія витязныя пѣсни и преданія, вмѣстѣ съ рѣчью народа, перешли въ преобладающій языкъ, усвоились имъ какъ благоприобретенное достояніе, и послужили основой множества квидъ и сагъ.

Vilkins Saga, составляетъ неспоримо обезображенный временемъ первообразъ сказаній о событіяхъ въ древнемъ Великокняжескомъ Русскомъ родѣ. Разумѣется, что соботвенныя имена приняли форму чуждую, названія лицъ и мѣстъ измѣнились по примѣненіямъ, опискамъ и поправкамъ; сжатый, игривый, съ присловьями и припѣвами, слогъ растянулся въ сухую, безцвѣтную прозу; словомъ, Русская *жаръ птица* измѣнилась въ кованую *Goldvogel*, а всѣ *бѣлыя лебеди* въ *Schneegänse*.

Какъ ни искажены уже народныя сказанія въ Vilkins Saga, но во всякомъ случаѣ коренное содержаніе ихъ сохранилось.

(*) Намъ кажется, что многоженство, не существовавшее въ древней Иліи, не существовало и у Славянъ. Оно изтекло изъ условій колониальныхъ народовъ, разобщенныхъ кривой наукой и слѣпымъ просвѣщеніемъ. Прививаясь повсюду къ коренному народу, они плодились, множились и тучили на счетъ его.

(†) Gudruna, собственно Gugin, принадлежитъ къ числу Славянскихъ именъ, переобразованныхъ учеными сказками, для истолкованія Готскаго ихъ значенія: Gudruna, значить по ихъ смыслу *божья рука*; столь же основательно какъ *Витичь* — *Witiza*, значить *Wit* — *iza* т. е. *sapient in nobis*.

(‡) Grimild, Нѣмец. форма Grimild. Слав. Громо, Гремиславъ — женск. Громилъ, Громилци.

Предание о мщении Гримильды не выдумка: мова о коварствах этой женщины разнеслась повсюду.

Различіе рассказовъ въ отношеніи участія въ этомъ событіи Аттилы, истекало изъ двухъ источниковъ: Русскаго и Готскаго. По рассказу народному, Гримильда *поразила* Аттилу своимъ поступкомъ; а по квидамъ—книжкамъ.

Изложимъ вкратцѣ рассказъ народный «о мщении Гримильды и погибели Нивелунговъ».

«Аттила, князь Руси, (*) узнавъ что премудрая и прекрасная Гримильда, жена Сигурда, овдовѣла, и будучи самъ вдовцемъ, послалъ за своимъ племянникомъ Остоємъ (Osid), чтобъ онъ прибылъ въ Киевъ (Hjfnaland), и отправилъ его въ Новый-Лугъ (Niflungaland), просить у короля Гано (Gunnar) (**) сестру его себѣ въ супружество.

Гано, по совѣщаніи съ братьями Огняномъ и Яровитомъ, (***) объявилъ предложеніе Гримильдѣ, которая съ своей стороны изъявила согласіе.

Аттила повелѣлъ самъ въ Ворницу (Vernicu—Worms), гдѣ и было совершено бракосочетаніе его съ Гримильдой, съ торжествомъ великимъ, послѣ котораго онъ возвратился съ ней въ свою столицу.

По прошествіи семи лѣтъ, однажды Гримильда завела съ Аттилой разговоръ о своихъ братьяхъ.—«Вотъ уже семь лѣтъ, ска-

(*) König von Susa. Но по сходству въ древнемъ письмѣ буквы г съ і, безъ всякаго сомнѣнія Rusa обратилась въ Susa.

(**) По стар. формѣ, въ именахъ буква г прилагочная; почему Gunnar, тоже что Ginnro.

(***) Hagen, Högni, Lat. Ignis, въ Сербск. Игназ или Огнякъ. — Herno, Herno, Gernis, Hemit; по Далъну (Т. I. гл. х. § 9) Hagnil—Продитъ—Hagen была незаконный сынъ порожденный отъ Эльва.—Третій братъ Гримильды, юный Giso(r), Gisle(r)—Гейза.

зала она, какъ я не видѣлась съ братьями своими. Еслибъ ты пригласилъ ихъ къ намъ въ гости... Кстати скажу тебѣ, а можетъ быть ты уже и самъ знаешь, что послѣ Сигурда остались несмѣтными богатства. Братья всѣмъ завладѣли, не удѣлили мнѣ ни одной пенни; а по праву, всѣ эти сокровища должны были достаться тебѣ, какъ приданое, вмѣстѣ со мною.

—Знаю, Гримильда,—отвѣчалъ Аттила,—что всѣ сокровища Сигурда, которыя онъ приобрѣлъ, убивъ летучаго змѣя, хранишаго ихъ, а также все наслѣдіе послѣ отца его Сигмунда, должны были намъ достаться; но братъ твой, Гано, нашъ добрый другъ. Что же касается до желанія твоего пригласить въ гости братьевъ своихъ, то пригласи; мнѣ приятно будетъ устроить для нихъ пиръ на славу.

Гримильда тотчасъ же призвала къ себѣ двухъ своихъ гусляровъ, снабдила ихъ на дорогу золотомъ, серебромъ, богатой одеждой и добрыми конями; потомъ вручила имъ письмо съ печатами Аттилы и собственной своей; (***) и отправила въ Новый-Лугъ звать братьевъ къ себѣ въ гости.

Ихъ мать, королева Ойда, (****) видѣла недобрый сонъ и не совѣтовала имъ ѣхать. Огнякъ сказалъ: «ты помнишь Гано, куда мы отправили Сигурда? Если не помнишь, такъ есть одно лицо въ Киевской землѣ, которое намъ это напомнить. Это лицо наша сестра.

Но смотря на эти предостереженія, король Гано не хотѣлъ от-

(*) Кожа въ то время замѣняла бумагу; при посланіяхъ прилагались или привязывались печати. Скальдамъ, прелатамъ преданій въ квиды, ни понки этого. Приложеннымъ печатамъ къ свѣткамъ, дѣлать смѣлѣтъ, что Гримильда, въ предостереженіе братьевъ отъ замысла Аттилы убить ихъ, посылаеть кольцо свое, завернутое въ кольцо кожи; это значило, что Аттила воликъ и съѣсть ихъ. (1)

(**) Ода; въ Nif. I. Uta. Слѣв. Ойда.

казаться отъ приглашенія Аттилы, и братья поѣхали; но взяли съ собою тысячу человекъ отборной дружины.

Долго ли, коротко ли ѣхали они, но наконецъ подъѣзжаютъ къ столицѣ Аттилы. Гримильда стояла на башнѣ, и увидя ихъ поѣздъ возрадовалась. «Вотъ ѣдутъ они,—проговорила она,—ѣдутъ по зеленымъ лугамъ, въ новой свѣтлой бронѣ; а во мнѣ болятъ еще глубокия раны Сигурда.»

Она бросилась на встрѣчу братьямъ, обняла ихъ, повела въ палату, уговариваетъ сбросить броню, сложить оружіе; но Нивелунги не разоблачаются.

Аттила радушно угощаетъ гостей; а между тѣмъ Гримильда уговариваетъ Тодорика Берискаго мстить Огниану и прочимъ братьямъ за смерть Сигурда, сулить ему золота и серебра сколько его душѣ угодно, обѣщаетъ дать средства отмстить Эрманарику, который отнялъ у него владѣнія. Но Тодорикъ отвѣчаетъ ей, что на братьевъ ея, какъ на друзей своихъ, онъ не подниметь руки.

Гримильда, въ отчаяніи, обращается къ Владо, брату Аттилы, съ тѣмъ же предложеніемъ. Владо отвѣчаетъ, что не подниметь руки на друзей Аттилы.

Гримильда обращается къ самому Аттилѣ.

—Привезли ли тебѣ братья мои золото и серебро—мое приданое?—спрашиваетъ она его.

—Ни золота, ни серебра не привезли они мнѣ,—отвѣчаетъ Аттила,—но какъ гости мои, они будутъ радушно угощены.

—Ктожь будетъ мстить имъ за мою обиду, если ты не хочешь мстить? Не изсякло во мнѣ еще горе по убитомъ Сигурдѣ; задуши его, отмсти за меня, возьми и сокровища Сигурда и отдашь Нивелунгскую!

—Жена,—отвѣчалъ Аттила,—ни слова больше о томъ, чтобы я коварно преступилъ родство и права гостеприимства. Здѣсь братья твои на моемъ отвѣтѣ, и ни ты, и никто, да не посягнетъ на ихъ безопасность!

Послѣ трехъ неудачныхъ попытокъ, Гримильда, съ новыми слезами обратилась къ Яреню (Irung, Hirung), сотнику дружины Владо, и предложила ему въ награду щитъ кованный золотомъ и свою дружбу.

Ярень соблазнился ея предложеніемъ, снарядился самъ и снарядилъ свою сотню войновъ къ бою.

Чтобъ завязать раздоръ, изобрѣтательная Гримильда употребилла слѣдующее средство: Когда всѣ гости сидѣли уже за столомъ, она подозвала своего маленькаго сына *Альдриана*, указала ему на дядю Огниана, и шепнула: если ты молодецъ, такъ дай оплеху этому буку.

Мальчикъ такъ усердно исполнилъ приказаніе матери, что у Огниана хлынула изъ носу кровь.

Суровый Огнианъ вышелъ изъ себя.—«Это не твоя, молодецъ, выдумка, и не отца твоего,—сказалъ онъ, схвативъ Альдриана за волосы,—это выдумка твоей матери!—и съ этими словами извелъ мечъ изъ ноженъ, снесъ мальчику голову, швырнулъ ее на колѣни матери, и прибавилъ: здѣсь вино дорого, платится кровью; за первую чашу уплачиваю долгъ сестрѣ!»

Потомъ Огнианъ обратился къ кормильцу Альдриана.—«Родительница получила свое, теперь надо расплатиться съ воспитателемъ ея сына.»

Голова кормильца покатила по полу.

—Кіяне!—вскрикнулъ Аттила, вскочивъ съ мѣста,—вставайте, вооружайтесь, бейте злодѣевъ Нивелунговъ!

Начался страшный бой, сперва въ *оградѣ*, (*) гдѣ было уго-

(*) По саксъ *ex sado*, который назывался Holmgardh, Homgard, Hognagardh, Horgard; а по 85 главѣ Krutgard, гдѣ волились и *хороходы* (Ringeltanz).

«Этотъ садъ и до сего дня такъ называется, говорить разсказчикъ, и до сего дня обнесены каменной стѣной.» Ясно, что *Kieser tride* обратился въ огородъ и садъ. Битва происходила сперва въ оградѣ, въ кромѣ; а потомъ за стѣнами града, на улицѣ: Eine breite Strasse und Häuser auf beiden Seiten.

щение. Нивелунги вырвались было из ограды на улицу пригородка, но их снова стеснили и они зашли в гридницу.

Против братьев Гримильды сражались поединочно: Владо, Ратиборъ Бѣградскій или Булгарскій (Behelar, Belehar, Bakalar) и Тодорикъ Берскій.

Въ бою съ Тодорикомъ король Гано былъ раненъ, и его взяли и заключили въ темницу.

Ярвигъ сражался съ Владо, братомъ Аттилы, и убилъ его. Гейза, младшій изъ Нивелунговъ, съ Ратиборомъ. Ратиборъ палъ отъ меча кладенца, который называется Gram, и которымъ владѣлъ Гейза. Но Гейза убить Годобратомъ (Hadubrath, Hildebrand), Ярвигъ Тодорикомъ. Остается храбрый Огнянъ. Онъ также вызывается на бой Тодорика, съ которымъ былъ въ дружбѣ, но вызывается не на смерть, а на кабалу по жизни; съ тѣмъ только, чтобъ во время боя не называть другъ друга по отчеству (1).

Послѣ долгой битвы, Тодорикъ съ досады первый проговорился. Огнянъ, въ свою очередь, назвалъ его *чортюмъ сыномъ*. Тогда Тодорикъ освирипѣлъ и изъ устъ его пыхнуло пламя, отъ котораго раскалилась кольчужная броня Огняна и загорѣлись палаты. (2)

(1) См. 150 гл. Vilk. Saga. Онъ родился отъ Эльва, и имѣлъ мертвенную наружность. Эльвъ завѣщалъ матери, что она можетъ открыть сыну тайну его происхожденія, для того чтобъ въ случаѣ опасности жизни онъ могъ призвать отца своего на помощь; но никто другой не долженъ знать этой тайны: иначе приключится ему смерть. Эти слова подслушала одна женщина и сообщила Тодорикю.

(2) На чужомъ языкѣ замысловатость Русской сказки потеряна. Огнянъ (Hogni) родился отъ духа, когда его мать veintrunken und in einem Blumengarten entschlafen war, и зачать условленъ тайны его происхожденія. Когда Тодорикъ произнесъ имя отца его, тогда онъ осмызнулъ. Мать Огняна была за-Аль-примомъ; 'кто имя безъ сомнѣнія происходилъ отъ Eld, Aeld, Eldur—огонь, есць уже Готское; Eld же называлось въ Эл, Ал. Тодо, или Тодорикю, по сходству съ Рауръ, придало значеніе сына чорта—Teufelssohn.

Между тѣмъ какъ Тодорикъ хочетъ спасти совершенно изрешеннаго Огняна, срывая съ него броню, Гримильда беретъ голову, подходит къ плавающимъ въ крови Гано, и злобно пытается не жить ли еще онъ; но Гано уже бездушенъ. Потомъ она подходит къ юному Гейзѣ. Жизнь еще таилась въ немъ; но Гримильда засмолила головней уста его, и онъ испустилъ духъ.

Аттила!—вскричалъ Тодорикъ, увидя злодѣйство Гримильды,—смотри на жену свою, какъ она мучитъ братьевъ своихъ! сколько доблестныхъ витязей погибло отъ этого демона! она изгубила бы и насъ вмѣстѣ съ ними, еслибъ только могла!

И съ этими словами Тодорикъ бросился на Гримильду и разнесъ ее мечемъ на помы.

—Еслибъ ты убилъ ее за семь дней прежде, живы и здоровы были бы всѣ эти храбрые мужи!—проговорилъ Аттила.

Сказаніе о мщеніи Гримильды братьямъ за смерть Сигурда, заключается слѣдующими словами: «Въ Брежено (3) и въ Мастарь (4), рассказывали намъ это преданіе разные люди, и всѣ они, хоть и не знали другъ друга, но говорили одно и тоже; всѣ ихъ рассказы согласны съ тѣмъ, что и древнія народныя пѣсни говорятъ (5) о случившемся великомъ происшествіи въ этой странѣ.»

Такимъ образомъ Vilkina saga, которая и по замѣчанію своихъ издателей состоитъ частью изъ Славянскихъ сказаній, (6) изо-

(1) Брежень (Brema, Brima). Брама или брама, по Слав. значить врата (врата, стражница). Герой Vilkina Saga—Тодорикъ Берскій, собственно изъ Брно.

(2) Mestborg, нынѣ Münster.

(3) «Und obwohl auch eigenthümlich Nordische, und selbst Slavische Sagen einen Bestandtheil dieses Werkes ausmachen, so ist die Hauptmasse doch gewiss ursprünglich Deutsch (7). F. v. Hagen.

(4) Thiodisc, Thidverskr tunga.

бличаетъ сѣверныхъ скальдовъ въ изворотѣ преданія, чтобъ очистить память о Gudruna Gotnesk kona.

Последній рассказъ въ сборникѣ составляетъ преданіе о кладѣ Сигурда и о смерти Аттилы; но это уже позднѣйшій примысль, основанный на Руской сказкѣ, въ которую вставленъ Аттила въ духѣ сѣверныхъ квидъ.

«Послѣ погибели Нивелунговъ, король Гунской Аттила, продолжалъ царствовать въ своемъ государствѣ. У него воспитывался Альдрианъ сынъ Огиана, родившійся послѣ его смерти. (1)»

Альдрианъ воспитывался вмѣстѣ съ сыномъ Аттилы, который любилъ его также какъ сына. Альдриану настало уже 10 или 12 зимъ, а это, по сѣверному счисленію, есть уже возрастъ великихъ подвиговъ. Наелѣдовавъ отъ отца тайну, гдѣ скрыты сокровища Сигурда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимость мстить Аттилѣ за смерть отца, хотя Аттила ни душой, ни тѣломъ не виноватъ въ этой смерти, и даже, какъ видно изъ Nibelungenlied, горько плакалъ по Огннѣ (Hogni).

Однажды Аттила поѣхалъ на охоту; Альдрианъ, бывшій съ нимъ, завелъ слѣдующій разговоръ:

— Какъ думаешь ты, король, велики ли сокровища Сигурда, которые называются Nibelungen Hort?

— Сокровища, которые называются Nibelungen Hort, отвѣчалъ Аттила, заключаютъ, какъ говорятъ, столько въ себѣ золота, сколько ни одно государство никогда не имѣло.

— А кто хранитъ это сокровище?

— А почему же я знаю, кто его хранитъ, когда не извѣстно гдѣ оно и хранится.

— А чѣмъ бы наградила ты того, кто укажетъ тебѣ гдѣ это сокровище хранится?

(1) Въ главѣ 367 повѣщается сказочное рожденіе этого сына,

— Я его такъ бы обогатилъ, что другаго богача не нашлось бы во всемъ моемъ царствѣ.

— Такъ я же тебѣ покажу, гдѣ этотъ кладъ скрытъ. Поѣдемъ; но только вдвоемъ, никто не долженъ слѣдовать за нами.

Разумѣется, что Аттила согласился. Поѣхали. Долго ли, коротко ли они ѣхали, но наконецъ прѣехали въ нѣкую дебрь; посреди дебри гора, въ горѣ двери подъ замкомъ. Альдрианъ отперъ двери ключемъ; за этими дверями отперъ вторую дверь, потомъ третью. Открылось сокровище. Тутъ груды золота, тамъ кучи серебра; въ одномъ углу навалены горы драгоценныя камни, въ другомъ оружіе кованое золотомъ. Аттила ояменталъ отъ изумления.

А между тѣмъ Альдрианъ вышелъ, захлопнулъ двери, заперъ на замокъ, и крикнулъ къ Аттилѣ, что онъ можетъ удовлетворять теперь сколько угодно неутолимую свою жажду къ золоту и серебру.

Заваливъ камнемъ входъ, Альдрианъ отправился въ Nibelungenland.

Кто излелѣянъ и взросъ подъ говоромъ Русскихъ сказокъ, и даже кто знаетъ только тѣ изъ нихъ, которыя напечатаны по рассказамъ плохихъ сказочниковъ, тотъ пойметъ, въ какихъ отрешьяхъ ходятъ онѣ, съ 8-го столѣтія по настоящее время, посреди чужихъ.

Обратимся къ Исторіи, къ рассказамъ Прокопа, къ несчастію сокращеннымъ Юрнандомъ, и безъ всякаго сомнѣнія перемѣченнымъ, какъ описаніе столицы и дворца Аттилы.

«Придворные (на другой день послѣ свадьбы) тщетно ожидая выхода Аттилы, рѣшились войти въ опочивальню царя, и застали его уже мертвымъ, задушеннымъ приливомъ крови. Подлѣ ложа сидѣла Илдица, подъ покровомъ, склонивъ голову, и обливъ слезами. Тогда, по народному обычаю, они обрвали часть

волосъ своихъ, и терзали лицо свое, чтобъ оплакать величайшаго изъ героевъ не слезами и воздыханіями, подобно женамъ; но кровью, какъ слѣдуетъ мужамъ.»

«Мы должны описать, хотя вкратцѣ, какимъ образомъ по обычаю страны совершился обрядъ его погребенія. Тѣло его перенесли торжественно въ чистое поле, и положили подъ шелковымъ шатромъ, чтобъ всѣ могли его видѣть. Потомъ знаменитые изъ витязей Гуннскихъ совершали вокругъ шатра скачку, какъ въ играхъ посреди цирка, и воспѣвали славу и подвиги умершаго»:

«Великій (1) царь Гунновъ, Аттила Мечеславичъ (2) (patre genitus Manzuchius), великаго народа Господарь (fortissimorum gentium dominus); съ несдыханнымъ до него могуществомъ, царствъ Скиѣи и Германіи единодержецъ (solus possedit); поражая ужасомъ западный и восточный Римъ, многочисленныя покоренныя грады не предавалъ на расхищеніе, но милостиво облагалъ ежегодной данью. Совершивъ благополучно царствование въ мирѣ внѣшнемъ и внутреннемъ, посреди благоденствія народа отошелъ съ миромъ отъ сей жизни. Но умеръ ли тотъ, на комъ никто не ищетъ возмездія?»

(1) Praecipuus Hunnorum rex Attila.

(2) Отечество Аттилы по Приску *Mouvbious*; По Юриану Cod. Paris. 1809 Manzuchius. Имя Mundo, Mundio, по Юриану, было въ числѣ Гуннскихъ именъ и въ роду Аттилы: «Nam hic Mundo, Attilanis quondam origine descendens.» Это имя есть, или Мичо, Мечанъ, Мичо (Мечеславъ, Мечемиръ, или Межемиръ по Греч. пис. *Mezaruros*), если только не переводъ имени Мировъ, по Гальской формѣ Mundus.

По *Vilkinsa Saga*, Аттила наследовалъ Кмянское княженіе отъ князя Mellas, т. е. Мило, Милко, Мико, обращающееся легко въ Мичо.

Преданіе о мечѣ, (gladius Martis, sacer) которымъ владѣлъ Аттила, могло родиться изъ его родового прозвища Мечеславскій (мечъ славы.)

Настоящій смыслъ этого *santo funebro* надо искать въ обычномъ словѣ при гробѣ древнихъ Русскихъ царей, которое должно было заключаться приблизительно въ слѣдующемъ:

«Великій государь, царь и великій князь Киевскій, Аттила Мечеславичъ, *всѣя Великія Руси* самодержецъ, и многихъ восточныхъ и западныхъ земель отчичъ, дѣличъ, и наследникъ.... Многая государства и земли мечемъ и милостію въ подданство привеле.... и всѣ окрестныя государства имени его трепеташа, и всю землю Русскую не мятжно устрои и отъ иновѣрныхъ крѣпко соблюдале, и вся земля Русская при немъ, великомъ Государѣ, всѣми благами цвѣтаетъ и имя его славно бысть во всей вселенной. Свершивъ же лѣта житія своего, отъ земнаго царства отыде въ жизнь вѣчную.»

«Вырзвивъ такимъ образомъ свое отчаяніе, продолжаетъ Юрианъ, они совершили на могилѣ его великій пиръ, называемый у нихъ *страва*, предаваясь попеременно противоположнымъ чувствамъ, и вытѣшая разгулъ въ печальный обрядъ. Во время ночи прахъ Аттилы былъ тайно преданъ землѣ (?); его положили въ три гроба: первый былъ золотой, второй серебряный, а третій желѣзный. Вместе съ нимъ положили оружіе, ожерелья изъ драгоценныхъ камней, и разныя царскія украшенія. Чобъ скрыть всѣ эти сокровища отъ похищенія, они убили всѣхъ прислужниковъ бывшихъ при погребеніи.»

Изъ свода преданій *Vilkinsa Saga* съ сказаніемъ Юрианда, становится понятнo значеніе *treaxъ дверей*, захлопнутыхъ на вѣки, и значеніе клада (золота, серебра, оружія и драгоценныхъ камней), оберегаемаго Сивой *Харина* (1) (Храпомъ), въ обители его, называемой *модалайя*.

(1) Отъ Слѣксъ Харина, Слѣксъ Харинъ, Харинителъ. Греч. Харонъ.

Съ намбрениемъ или безъ намбрения, Юрнандъ забывъ упомянуть объ обычномъ у Руссовъ сожженіи тѣла, и вложении праха въ горно или урну. (1)

Обычай сожженія у Славинъ за-Лабскихъ, то есть жившихъ между Рейномъ и Эльбой, (*) и которыхъ летописцы называли и Вендами и Гуннами, продолжался еще въ 8 столѣтіи; въ Россіи же до принятія христіанства Владиміромъ Великимъ.

Чтобъ пополнить и пояснить свидѣнія Юрнанда о погребеніи Атилы, мыведемъ нѣсколько описаній обряда сожженія существовавшего у древнихъ Руссовъ.

Упомянувъ о Бѣлоруссіи (Witland, Whiteland) и Славянахъ при-Висловскихъ (Weonofhland, Winothland), Англо-Саксонскій король Алфредъ въ исходѣ IX столѣтія пишетъ въ своихъ географическихъ свидѣніяхъ:

«У этихъ народовъ странный обычай. Когда кто нибудь умереть, вся родня и знакомые хранятъ тѣло его до сожженія, въ продолженіи мѣсяца, двухъ и даже до полугода, если умершій былъ князь, или какой нибудь знаменитый человекъ. Тѣло лежитъ въ домѣ распростертое на землѣ (?). Во все это время,

(1) Горно, горнецъ — горшокъ, откуда Лат. Urna. Румо, по Русски значитъ крокъ шерсти овецъ, рудло, рудаль — развалина — гайпа. Рукмы клни, то же что ружмы, хронмы, позорные, могильные. Хронмы надписи, называемые на сѣверѣ руками, приняты неизвестно почему значеніе собственно древнихъ писемъ Готскихъ. Рониль, по Русски значитъ косить траву, рубить лѣсъ.

(*) См. Воинъ-атій (азыч. имя Винераль), въ 745 году, въ письмѣ къ Англо-Саксонскому королю Этвильду, пишетъ: «Венды служатъ образцомъ любви супружеской; у нихъ жена, по смерти мужа, отказывается отъ жизни; и та считается вѣтеной достойной женой, которая собственной своей рукой предаетъ себя смерти, чтобъ сгорѣть на одномъ кострѣ съ своимъ мужемъ.» Слав. Древности Шафарика. Т. II, кн. III.

родня и пріятеля покойнаго пьютъ и веселятся до самаго дня сожженія тѣла. Въ этотъ день несутъ его на костеръ; потомъ дѣлятъ имущество его на пять или шесть частей, а иногда и больше, смотря по цѣнности. Всѣ эти доли раздѣляются на конѣ за городомъ, на разныхъ разстояніяхъ; лучшія даѣе, меньшей цѣнности ближе. Послѣ этого приглашаютъ изъ окрестныхъ мѣстъ всѣхъ тѣхъ, у кого есть отличныя лошади, для участія въ скачкахъ. Кто первый перегонитъ прочихъ, получаетъ дальнѣйшую и лучшую долю. Такимъ же образомъ приобретаются по очереди и прочія доли. Этотъ обычай составляетъ причину дороговизны въ этой странѣ отличныхъ скаковыхъ лошадей. Когда все имущество покойнаго разобрано съ коню, тѣло его выносятъ изъ дому для сожженія вмѣстѣ съ его оружіемъ и одеждой.»

Ибнъ-Фосланъ, описывая обычай Руссовъ, которые становали, при развѣздахъ по Волгѣ, на восточныхъ берегахъ ея, между прочимъ упоминаетъ и объ обрядѣ сожженія умершихъ князей и воеводъ ихъ.

«Желая видѣть самъ этотъ обрядъ, я узналъ наконецъ, что умеръ одинъ изъ ихъ знаменитыхъ мужей. Тѣло его лежало въ шатрѣ въ продолженіи десяти дней, во время которыхъ они предавались печалованію (2) и покуда изготовлялась для покойника одежда. Если умершій бѣдный человекъ, то они просто кладутъ его въ колоду и потомъ сожигаютъ по обряду. Если же покойникъ богатъ, то раздѣляютъ его имущество на три части. Одна часть поступаетъ въ наслѣдіе его семьѣ, на другую шьютъ ему (новую) одежду, а на третью покупаютъ горячихъ напитковъ, чтобъ пить до дня погребенія, когда любимица покойника, обрешая себя на сожженіе, отдастъ ему послѣдній долгъ. Въ это время они предаются упоенію чрезъ мѣру; пьютъ и день и ночь.

(2) См. переводъ Фрэнъ, и его примѣч. 96.

«Когда умирает у них Старыйшина, тогда спрашивают его челядинцев: кто желает умереть вместе с господином?... По большей части вызываются на смерть девушки.

«Вызванная на смерть с упомянутым мною покойником, сопровождаемая двумя подругами, во все время угощалась, пила и была радостна.

«Когда настал день сожжения, я отправился на рѣку, гдѣ стояла ладья покойника; но она была вытаскана уже на берег; тут сдѣланъ былъ на четырехъ столбахъ навѣсъ и срубъ, а по сторонамъ стояли деревянные изображения боговъ. Когда ладью поставили на это возвышеніе, тогда начали подходить къ ней, произнося какія-то рѣчи. Но покойникъ лежалъ еще въ отдаленіи, въ своей колыбѣ. Потомъ принесли одръ и поставили на ладью; а также принесли покрывала изъ Греческой золотой ткани и подушки изъ той же парчи. Тутъ пришла суровой наружности, женщина, которую они называютъ *جوانیس*—*джеванис*,⁽¹⁾ и разостлала все на подмосткахъ. Она облачаетъ покойника, и она же умерщвляетъ обреченную смерти дѣву....

«Покойника облачили въ сапоги, въ парчевой кафтанъ съ золотыми пуговицами и въ парчевую же шапку, обложенную соболемъ. По облаченіи, перенесли его на устроенный на ладѣ на подмосткахъ одръ, подъ навѣсомъ; а принесенные напитки, плоды и душистыя травы, а также хлѣбъ, мясо и лукъ, поставили передъ покойникомъ. Потомъ привели собаку, разрубили ее на помы и бросили въ ладью. Броню и оружіе умершаго положили около него. Потомъ привели *двухъ коней, которыхъ такъ упорили скачкой*, что потъ катился съ нихъ градомъ. Этыхъ коней также изрубили мечами и мясо сложили въ ладью. Въ заключеніе такимъ же образомъ поступили съ двумя волами, съ пѣтухомъ и курицей....

(1) Это названіе въ спискахъ не разборчиво; мы приняли писаніе обозначающееся съ *Джевана*, соотв. Саяскр. *Деванича*—божество града почти

«По наступленіи пятницы, послѣ обѣда, привели обреченную девушку, и три раза поднимали ее на рукахъ передъ чѣмъ-то устроеннымъ въ видѣ дверей; въ это время она произносила, какъ мнѣ сказали, слѣдующія слова: «Вотъ вижу я моего отца и мать мою. Вотъ вижу я всѣхъ моихъ предковъ. Вотъ вижу я моего господина (мужа): онъ восстаетъ въ свѣтломъ, цвѣтущемъ вертоградѣ, зоветь меня! пустите меня къ нему!»

«Послѣ этого повели ее къ срубѣ. Она сняла поручни и ожерелья и отдала старухѣ. Ее подняли на ладью, но не ввели еще подъ шатеръ навѣса. Тутъ пришли вооруженные щитами и палицами люди, и подали дѣвицѣ чашу. Она испила.—«Теперь она прощается съ своими»—сказалъ мнѣ мой переводчикъ. Потомъ подали ей другую чашу. Она приняла и запѣла протяжную пѣсню. Старуха ввела ее въ шатеръ. Въ это время загремѣли въ щиты и голоса девушки не стало слышно.

«Ближайшій изъ родственниковъ умершаго, взявъ пучъ лучины, зажечь ее, и приблизясь къ срубѣ запалилъ его; потомъ подходили и всѣ прочіе съ свѣточами и бросали ихъ на срубъ. Быстро загорѣлся срубъ, за нимъ вспыхнула ладья, а наконецъ обнялся пламенемъ навѣсъ, покойникъ и дѣвица.

«Когда все обратилось въ золу, они насыпали на томъ мѣстѣ гдѣ стояла вытасканная изъ воды ладья, мглицу, и посредникъ оной поставили *большой столбъ*⁽¹⁾, написавъ на ономъ имя умершаго и имя царя *Руссова*».

Мы уже упоминали о единствѣ знаменитаго въ Индіи рода *Арья*, въ Элладѣ *Арея* или *Иракла*, въ древней Руси *Арея Яро*, или *Юрія*. Всѣ обряды и обычаи его съ незапамятныхъ

(1) «Возможно, на ладью мертвеца и сожвгаку, и по семь собрание жести и ладвату, въ сосудъ мала и лодвдлаку на столбѣ на пугилъ». Песторъ.

временъ длились повсемѣстно и неизмѣнно, до временъ христіанства.

Еще во времена осады Трои, за 10 столѣтій до р. х., обрядъ сожженія и погребенія праха Патрокла, описанный Гомеромъ, видимо одинъ и тотъ же, какому слѣдовали и Руссы.

Обратимъ xxiii пѣснь Иліады, 897 стиховъ, въ краткій очеркъ.

«Тѣло Патрокла всложили посреди поля на одръ. Когда Пеліягъ назначилъ отдачею ему послѣдняго долга, вся дружина, облаченная въ доспѣхи, собралась, и, по обряду, *трижды* обсакала вокругъ тѣла съ слезами и магланіемъ къ умершему:

«Радуйся (χαῖρε) Патроклъ, радуйся и въ обители Анда!»

«Потомъ всѣ сложили броню, и совершена была *вечерняя трепеза*. На поставленномъ у одра мѣдиюмъ *треножникъ*, принесенны были жертвы и совершенно омовеніе отъ браннаго праха и крови. Душа Патрокла явилась Ахиллу во время ночи и возвала о приобщеніи его къ огню, и чтобы кости его погребены были къ *златомъ горни*, и въ той же гробницѣ, въ которой ляжетъ и Ахиллъ.

«О Боги (ὦ θεοὶ)!—воскликнулъ Ахиллъ,—вѣстину и въ обитель Анда переходить душа въ образѣ, но въ образѣ *безплотномъ!*

«На другой день, съ зарею, ратники двуть къ лѣсные холмы Иды, рубя дубовый лѣсъ для костра и свозятъ его на назначенное мѣсто. Потомъ, облачась въ броню, всѣ они возсѣли вокругъ одра и, посидѣвъ мало, встали, *обрали волосы свои*, обложили ими тѣло Патрокла и поцеловали его къ мѣсту погребенія, гдѣ сооруженъ уже былъ изъ бревенъ *столбчатый срубъ*. На этотъ костеръ внесли тѣло Патрокла; послѣ чего закололи подлѣ костра множество тучныхъ овецъ и огромныхъ *круторогихъ туровъ*, обложили обрѣзаннымъ тукомъ ихъ тѣло Патрокла съ ногъ до головы; а вокругъ одра поставили сосуды съ *медомъ*

и елеемъ. Потомъ извалили на срубъ *четыре коней* Патрокла, и *двухъ любимыхъ, облаченныхъ поевъ его*. Сверхъ того, въ отмщеніе за смерть Патрокла, были убиты 12 плѣнныхъ Троянскихъ юношей.

«По изготовленіи жертвъ, зажгли костеръ; но онъ не возгорался. Тогда дивный Ахиллъ возвалъ къ вѣтрамъ и, общая принести имъ жертвы, возливалъ кубкомъ вино.

«Вѣтръ подулъ и костеръ вспыхнулъ. Въ продолженіи всей ночи горѣлъ онъ; а между тѣмъ Ахиллъ черпалъ кружкой вино изъ златаго сосуда и орошалъ вокругъ костра.

«Къ утру срубъ подлѣ Патрокломъ истлѣлъ. Остатки огня подлѣ пепломъ оросили краснымъ виномъ, бѣлыя кости Патрокла собрали, *ложили въ золотой сосудъ*, обложили тукомъ, поставили на одръ и покрыли тонкой пеленою; потомъ очертили окружность и насыпали могилу. Между тѣмъ Ахиллъ вынесъ награды на конѣ, для игрищъ.

«Первой наградой были назначены: *рукодѣльная юная дѣва*, мѣдная *лаханъ*, *рукомойникъ*, 2 таланта золота и золотой кубокъ.

Игрища состояли изъ семи отдѣленій.

1. Бѣгъ на колесницахъ, по жребіямъ, которые вѣшивались изъ шлема. На кону была *быстроногая кобылица*.

2. Кулачный бой. На кону мѣдный *треножникъ*, цѣной въ 12 воловъ, и плѣнная дѣва цѣной въ 4 вола.

3. Борьба. При этомъ случаѣ Одиссей употребилъ ловкость *подшибать* борющагося съ нимъ *ногой (подножку)*. На кону серебряный великогубный сосудъ Сидонскаго издѣля, помрачившій своей красотой всѣ извѣстныя въ то время по искусству издѣлія чаши.

4. Бѣгъ въ запуски.

5. Поединокъ.

6. Бросаніе желѣзной самородной глыбы.

7. Стрѣльба изъ лука по выпущенной на привязи голубкѣ.

Въ заключение приведемъ слова Нестора о древнемъ Русскомъ обычаѣ сожиганія:

«А Радимити, Вятичи и Сѣвера (Сербы), аще кто умираетъ, творяху *тризну* ⁽¹⁾ надъ нимъ, и по семь творяху *кладу* велику и возложатъ на *кладу* мертвца и *сожигашу*; и по семь, *собрающе кости власяшу въ сосуде мала*, и поставяшу на *стѣлѣ* на путѣхъ. *Се же творять Вятичи нынѣ. Сѣ же обычаи творять и Кривичи и прочіи поимѣи*, не вѣдуще закона: Божія, но творяху сами собѣ законъ.»

И посла Ольга къ Деревлянѣмъ, рекуще сице: «Се уже иду къ вамъ; ⁽²⁾ да пристроите меду многи въ градъ, идѣ же убисте мужа моего; да плачу надъ гробомъ его, и сотворю тризну мужу своему.» Они же то слышавше, совезоша меду многи зѣло и звариша. Ольга же поимши мало дружины и легко идуще приде къ гробу его, и плакася по мужи своемъ. И повелѣ людѣмъ ссыпать могилу велику, и яко ссыпаша, и повелѣ *тризну* творити. По семь съдоша пити Деревляне, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними и т. д.»

Вмѣстѣ съ этимъ легко уже объясняются и рассказы Геродота объ обрядѣ погребенія, существовавшего у Скивоу (Руссовъ) въ IV вѣкѣ до Р. X.

Кн. IV. LXXI. «Кладбища царей Скиоскихъ находятся въ Руси (Ἐν Γέβροισι) ⁽³⁾, въ томъ самомъ мѣстѣ гдѣ начинается

(1) *Тризна* — подвигъ, страданіе. По Чет. Мин. Церк. Слов. Аленскаго. Сближается съ Сербск. *тризале*.

(2) Называя притворное согласіе на предложеніе Деревлянъ выйти за мужа за нѣк князя Мала (Мило, Милко, Милославъ).

(3) Гл. LVI. «Седьмая рѣка Россъ, впадающая въ Борисоу (Днѣпру) тамъ гдѣ она становится широка, и получившая названіе свое отъ сѣраки именуемой Россъ (Γέβρος, отъ Турскаго названія *الروس* — русъ — Венг. Огонь — Лоры — Русь).» Россъ впадаетъ въ Днѣпръ ниже Киева до Герросса, то есть до столицы Руси, по Геродоту, 40 дней

судоходство по Борисоу (Днѣпру... ⁽¹⁾ Когда умереть у нихъ царь, то (по совершеніи сорока-дневной тризны), очищеніи тѣла отъ внутренностей и намазненіи благовоиами, везуть его на колесницѣ, въ Русь (Γέβρος). Всѣ жители мѣсть, чрезъ которая везуть тѣло, *также обрываютъ волосы и терзаютъ себя*. По прибытіи въ столицу ставятъ тѣло въ гробу на одрѣ, устланннй зеленью; потомъ устрояють изъ копій крытый навѣсъ, подъ которымъ задушивъ любимицу царя, кравчаро, повара, дюншаго, гонца и лошадей, предають все погребенію ⁽²⁾, съ разными вещами и золотыми кубками; а потомъ насыпають высокую могилу.»

Изъ свода этихъ описаній обряда погребенія можно уже составить приблизительно-вѣрное и полное понятіе о древнемъ Русскомъ обрядѣ, который совершился и по смерти Аттилы.

плаванія по Днѣпру отъ устья Лимана. Полагая около 25 верстъ въ день плаванія противъ воды, въ 40 дней придеши къ Киеву.

Глава XX. За рѣкой Россью находится царская столица (*βασιλεύς ἐστὶν*) и живутъ многочисленныя замѣнытыя Скивоу (Руссы), почитающіе прочихъ Скивоу своими подданными. Съ юга они граничатъ съ Таврикой (горамъ Таврады); на востокъ же простираются до река (*Ἐναρ*) de Βοσφωρίωνъ между Стутъ, нынѣ Стар. Крымъ, и Ираклею, нынѣ Арабать) и торжища называемаго Крымками (*Κρημαί*); и до р. Дона (*Ἐναρ*).

(1) Мы не переводимъ слѣдующихъ словъ: «*Ὀρουα ὑπὸ ἡλίου ὀρῶσθαι τετραύγωνον ἰσοῖον δὲ τοῦτο κοινῶν ἀναλαμβάνουσι τὸν νεκρὸν...*» въ нихъ нѣтъ смысла; дабы дѣло должно идти не о вырѣтн четвероугольной лмы; но о сорокадневной тризнѣ, плачѣ, терзаніи (*ὀρουα* — плачь, вопль: отъ *Ὀρουα* — пиръ въ честь Діониса — Диониса, бога смерти) и слагненіи умершаго. Этотъ смыслъ понятенъ изъ описанія погребенія прочахъ Скивоу (гл. LXXIII); погребеніе слѣдуетъ послѣ пира при гробѣ и послѣ сорокадневн. *τετραύγωνον ἰσοῖον*.

(2) Подъ словомъ *ἔκτα* или *ταφὴ*, подразумѣвается, и преданіе тѣла, сжиганіе.

X.

РУСЬ ПОСЛѢ АТТИЛЫ.

По смерти Атилы, сыновья его отправили въ 467 году посольство въ Царьградъ съ требованіемъ возобновленія торговыхъ договоровъ; но императоръ Леонъ, пользуясь войной Руссовъ съ Персами, какъ отводомъ главнымъ силъ ихъ, смѣло отказалъ на всѣ требованія Кіевского посольства. Отказъ вызывалъ войну. Младшій и любимый сынъ Атилы, Ярень (Irnah, Irnas) совѣтовалъ брату не начинать войны съ Греками, когда не только что пограничное козачество—Козары и Сураги, (1) но и большая часть силъ русскихъ въ войнѣ съ Персами, въ Арменіи. (2) Но опрометчивый Дано, (3) княжившій при отцѣ, а можетъ быть и послѣ отца въ войсковыхъ областяхъ Донскихъ и Суражскихъ, не принявъ совѣтовъ брата. Онъ отправился съ дружиной своей за Дунай и, надѣясь на вѣрность подвластныхъ Руси Готовъ, образовавъ изъ нихъ главныя свои силы, проникъ въ нѣдра Фракіи, вступилъ въ бой; но Руси было съ нимъ мало, а Готы измѣнили.

(1) Козары — козачество при-Донское; Сураги — козачество, или Козары Суражскіе, при-Каспійскіе. По Готскому нарѣчію — съ окончаніемъ на г — *Saragar*; отсюда Греческое *Σαράγουροι*. Имя Козары у Приска *Ακαττίροι*, и кромѣ того *Κιβάρητοι*—Козаричи или Малые Козары.

(2) Это время соответствуетъ возстанію Вагана Армянскаго и Вагтала Иверскаго на Персовъ, поработившихъ Арменію. Они вызвали и Руссовъ (Гунновъ, Сяновъ), въ помощь себѣ противъ Персовъ.

(3) *Δουγγύχης*, *Dunzigichus*, *Deusicus*, *Dinzio*,—соотв. Слав. Дано, Данофъ—Даничичъ—Деянъ—Дано—Данко—Данчина.

По Юриану, Карпатскія и за-Дунайскія области, которыя были въ объемъ древней Руси при Атилѣ, именно: часть Реціи (*Rhaetia*) при-Дунайской, вся Паннонія и Мизія, по смерти его отпали. Императоръ Марціанъ озабочился немедленно же оградить Имперію отъ Руссовъ. *Гепиды*, (1) т. е. Карпатскіе *Жупичи*, союзники и прозелиты Готовъ, а потомъ Аріане, первые возстали на Русскія власти и отложились, заключивъ союзъ съ Марціаномъ на условіи ежегоднаго жалованья. Въ то же время Готы сосредоточились на данныхъ имъ земляхъ между Дунаемъ, Норикой и верхней Мизіей. Русскіе князья, обладавшіе этими землями, должны были съ дружинами своими и совѣми непокорявшимися чуждой власти, оотзывать свои области и переселяться.

Сербы Семендри (*Semandri*) перешли въ Иллирію и поселились близъ *Castrum Martena*, Стуричи (*Scyri*), Сураги (по Юрн. *Satagarii*) и Аланы (погран. Вольны), перешли въ Нижнюю Мизію (?) и въ *Малую Скицію* (Крымъ и прилегающія земли между Дибромъ и Дономъ). Русь Альпійская со стороны Дуная, выселена въ *Biozimetas* (?) и *Scandiorolis* (?) и пр.

(1) Юрианъ производитъ названіе *Гепидовъ* отъ слова *geranda*, что значить *лмчавый*. Нѣтъ сомнѣнія, что это толкованіе произошло отъ слова *жуланъ*, по Молдавски *жулыкъ* — бояръ, баринъ, и отъ народнаго произнанія *лмчавыхъ* — барствующихи, барчави; въ томъ же смыслѣ могло употребляться *жуличъ*, *жуланичъ*.

Учрежденіе *жуль*, *зубъ* (Санск. *tuṇa*) или судилищъ, принадлежить къ формамъ правленія Готовъ. Это ихъ *Нрды* (*Næstf*) въ переводѣ на Славянскій языкъ. *Жуланъ* есть *Næstetanni* — судья округа, жуны, *польта*; отсюда въ Венгріи, или бывшей Готіи, Даціи, слово *Nemet*, *Nemetz*—*лмчавъ*, значить тоже что *накъ*, *жуланъ*. *Nemesseg*—*лмчавичи*, панство, — *Gespannschaft*. *Жупичи* (*Gepides*) Дація были прозелитами Готовъ, вмѣстѣ съ ними послѣдовали и аріанству.

Все это, должно полагать, совершилось не при Марциане, а послѣ уже несчастнаго похода въ Грецію Дано, старшаго сына Аттилы.

Между тѣмъ въ Иверіи и Арменіи, дѣла Руссовъ Козарь (Ουνηλ Κιζαρτης) шли также неудачно. Персы преслѣдовали ихъ за горы, проникли въ Козарію и даже овладѣли Бѣлагоградомъ (Βελπολις—Balapolis).

Послѣ этого событія, судьба Руси Кіевской оставалась въ полной неизвѣстности до времени Олега, собирателя Руси и возстановителя Матери Русскихъ городовъ.

Но кто же владѣлъ Кіевомъ въ промежутокъ четырехъ съ половиною столѣтій?

Нѣтъ сомнѣнія, что Дано, какъ старшій сынъ Аттилы, наследовалъ власть надъ Русью; но по раздѣлу, предоставивъ Кіевъ брату, перенесъ столицу въ Бѣловѣжу, извѣстную Приску подъ названіемъ Balapolis. Вся витязная дѣятельность, вѣроятно по вліянію Готовъ Гебровъ (*), обратилась на войну противъ Персовъ, которыхъ завоеванія проникли въ Иверію и Арменію.

Нѣсколько разъ уже мы имѣли случай объяснить значеніе Козарь, или при-Донскаго и за-Донскаго програницнаго Козачества, Луларей, которыхъ преобразовали Греческіе писатели въ Геруловъ или Илуровъ.

По Греческимъ же писателямъ, Козары вышли первоначально изъ Геруліи (Βερυλικς) страны Сарматской, подчинили своей власти земли до Чернаго моря и поселились на сѣверной сторонѣ Кавказа и въ Крымскомъ полуостровѣ.

(*) Съ этого времени должно полагать водворилась въ этихъ мѣстахъ религія Арионихъ Маговъ (Джюджь-Маджюджи). По Восточнымъ писателямъ послѣ завоеванія Маджюджи (Magter Religion) подразумѣвается Иудейство. Fraehn. Ibn-Fossan.

По прологамъ, въ житіи Св. Кирилла: (†) «Козары бѣше иродъ Славоскій, языка Словенскаго или Русскаго. Козаровъ имени память оста въ Малороссійскомъ нынѣ Конистовъ крепкомъ, подобнѣ тому, зѣло мало премѣнно именуемомъ (т. е. въ козачествѣ).»

По Ибн-Гаукалу: «lingua Bulgarorum similis est linguae Chazagorum»; (†) но по Gihan-Numa, языкъ и обычаи при-Волжскихъ Булгаръ не отличаются отъ Русскихъ, хотя они во время Абассидовъ приняли Магометанскую вѣру. (†)

Извѣстно, что князья, обладавшіе дѣяльностью Козарскими воеводствами—«Ευνεα κληματα της Χαζαρίας» — назывались Каганами (Χάγανος), точно также какъ и князья Аварскіе (Иаеры, Гебры, Обры Нестора).

Gihan-Numa, которой свѣденія составляютъ выписку изъ восточныхъ писателей всѣхъ временъ, сообщаетъ также слѣдующее о владѣтеляхъ области *Nasaz*: (Козачей, Козарской):

«Козарская область лежитъ на сѣверъ отъ Баб-ель-абвабъ (Дербендъ). Столица оной называется *Ателъ* (Atel, Adel, Nadil). По этой области и Каспійское море называется Козарскимъ. Владѣтель области (princeps) Иудей, а равно и всѣ его приближенные вельможи; что же касается до подданныхъ, то они различныхъ вѣръ, (†) которая не воспрещается тамъ исповѣдовать.

(†) См. О времени происхожденія Слав. письменъ. О. М. Болванскаго.

(†) Fraehn.

(†) Въ Gihan-Numa, на Турецкомъ языкѣ, вѣсто Руссы употреблено Москвиты: «populus Bulgar, Moscovitico lingua moribusque haud dissimilis.»—Eaque, regnantibus Abassidis, religionem Muhameddanam amplexa est.

При Владимирѣ, придоша Болгаре (при-Волжские), вѣры Божичи (магометане).

(†) «Plerique Muslemii, et Christiani, pauci idolatrae.»

Войско состоитъ изъ 12,000 человекъ. Но все управление въ рукахъ Евреевъ. (1) 9 судей (2) завѣдываютъ судопроизводствомъ. Торговлю ведутъ съ Руссами.»

Изъ этого ясно, что если владѣтели Козаръ были Евреи, то по значенію своему «rex et pontifex» они носили Еврейское названіе *Sohen*, (3) изъ котораго образовалось *Каганъ*.

Не дошедшему преданію до Нестора, когда посланные отъ Козарскаго князя *Когана* и старцевъ, пришли въ первый разъ въ Кіевъ за данью, Кіевляне предложили въ дань Козарской саблѣ *облоду острой мечъ*. Но не смотря на это, передъ приходомъ Аскольда и Дира, Кіевъ платилъ уже дань въ Козарію, точно также какъ и области завистшія отъ Кіева: Древяны по черной кунѣ, Радимичи по шлягу, (4) а Сьверяне (Сербы) неизвѣстно по чѣмъ.

«Когда императоръ Іустиніанъ II-й бѣжалъ, какъ пишетъ Проконій, въ *Готскія владѣнія* (въ Крыму), то *Каганъ* потребовалъ его къ себѣ, и выдалъ за него сестру свою, съ намѣреніемъ возстановить его на престолѣ Византійскомъ.» (5)

Изъ этого сказанія можно понять, что Готы Козарскіе, управляемые своими *Козмами*, и извѣстные Исторіи подъ названіемъ *Готовъ Тетракситовъ*, или въ послѣдствіи *Трапезитовъ*, (6) не

(1) Neque ad rempublicam accedere, his permissum est. Judaei eam ipsi capessunt.»

(2) Десяти округовъ Хаазарин, или десяти *кандовъ* (Naemf).

(3) См. La BiMe. trad. pag. S. Cohen.

(4) Злотый, золотой—solidus; откуда образовалось изъ Готского нарѣчія Skilligg—шавингъ, шелекъ, шлягъ, и Skuld подать (долгъ, обязанность), Zoll.

(5) Это возстановленіе разумѣется имѣло цѣлью вліяніе на Имперію.

(6) *Ломія* Крыма называлась *Трапезитской*, по *Трапезосу* (Чатырдагъ). Города Готовъ были: Мангушъ и *Джурбутъ-кале* (Castella Judaeorum).

достатки Готовъ Эрманарика; а потомки коренныхъ Гебровъ—маговъ, отъ которыхъ въ 6-мъ столѣтіи до р. х., отделились переселенцы во Фракію, (1) безъ сомнѣнія по возникшему въ то время сектаторству въ вѣрованіи Гебровъ. Новое вѣрованіе проявилось въ ученіи Зердуста. Дарій Гохтаспъ, послѣдователь новыхъ маговъ, преслѣдовалъ древнихъ. (2)

Около 290 года по р. х. Армения, слѣдовавшая ученію Гебровъ, озарилась Христіанствомъ и спаслась отъ потопа Магометанства, которое въ 6-мъ столѣтіи разлилось по Персіи и проникло за Кавказъ, до самаго Дона. Оно, въ свою очередь, образуя ничто иное, какъ отрицательную сторону двуликаго деизма, подавило положительную сторону деизма Гебровъ, и этимъ ринуло на востокъ возникшую силу близнеца своего.

Въ IV уже вѣкъ Босфорская область озарилась Христіанствомъ и имѣла своего Епископа Теофила. Въ IX вѣкѣ Константинъ философъ (Св. Кириль) обрѣлъ въ Козаріи *русскія писмена* и переводъ Св. Евангелія и псалтыря.

«Иде же книги обрѣтошася, тоу и крещеніе обрѣтеть» (3)

Названія Gothaland, Gothlandske Volck, доставило случай Барбара (въ 1436 году) сообщать Исторіи свѣденіе о существованіи народа *Gotala-ii*, что по объясненію его означало Готы-Азвовъ.

(1) См. De Getarum sive Gothorum orig. Iorn.

(2) Извѣстныхъ нынѣ подъ назв. Карамовъ.

(3) Исковскій хронографъ. См. О врем. происхожд. Славян. именъ. I. М. Бодянского.